

Русская Православная Церковь

Храм иконы Божией Матери
"ЗНАМЕНИЕ" в Ховрине

ЛАМПАДА

ИЗДАЕТСЯ ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО
И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II с февраля 1993 года

№ 6 (57) ноябрь – декабрь 2007 года

www.znamenie-hovrino.ru

**ТЕМА НОМЕРА:
ПЕРВЫЕ ШАГИ
В ХРАМЕ**

ИСТОРИЯ ХОВРИНА

ЗАЧЕМ СОВРЕМЕННЫМ ДЕТЯМ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ

ПРАЗДНИК ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Когда первоклассник впервые идет в школу, его родители, пожалуй, переживают не менее его, с волнением и некоторой печалью вспоминая время, когда сами были беззаботны и веселы, а главным огорчением в жизни являлась двойка в дневнике.

Когда-то мы впервые переступили порог храма. Кто-то – на руках крестных, кто-то уже в зрелом возрасте. Помните ли Вы то драгоценное время, когда весь мир осветился для Вас Божественной любовью? Помните ли первые Исповедь и Причастие? Далеки ли Вы сейчас от того радостного состояния, или житейская суета позволяет Вам лишь изредка спокойно, без суеты насладиться красотой Всенощного бдения, ранней Божественной литургии? В праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы время и каждому из нас вспомнить, как мы впервые поднимались по церковным ступеням.

Когда-то мы были первоклассниками здесь. Сейчас, кажется, мы повзрослели, поумнели и даже с легкой усмешкой вспоминаем свое былое неведение и неофитство. Но так ли уж верно то, что и эта наша самооценка не изменится со временем? Не потеряли ли мы главного – детской непосредственности, душевной отзывчивости и теплоты, которой могли бы поделиться с тем, кто страдает и обделен?

Этот номер газеты мы посвящаем тем, кто только делает свои первые шаги в Церкви. Надеемся, что и наша «Лампада» хоть немного осветит Вашу дорогу.

Редактор «Лампады» Валерия Ефанова

2007 год – 70-я годовщина массовых репрессий в нашем Отечестве. В тот год погибли многие священнослужители, ныне причисленные к Собору Новомучеников и Исповедников Российских.

8/21 октября в Знаменском храме чтили память преподобномученика Амвросия (Астахова), а 26 сентября /9 октября священномученика Александра (Левитского), убиенных в 1937 году на Бутовском полигоне.

ПРИХОДСКИЕ НОВОСТИ

Фоторепортаж из Ховрина

Большие перемены, требующие кропотливого труда, трудно распознать и заметить со стороны, пока внимательно к ним не приглядишься. А перемены в Знаменском храме за последние месяцы произошли немалые. Завершен сбор средств на покупку новых больших колоколов. Выстроен вместительный торговый павильон, что позволит расширить ассортимент книжной лавки. Восстановлены ступени обоих крылец, ведущих в верхний Знаменский храм. На северном крыльце как молчаливые свидетельницы долгой и нелегкой истории прихода остались лишь две старые, иссеченные временем ступени.

Начата масштабная работа по промывке фресок, украшающих наш храм, от копоти. Уже сейчас видно, какими яркими стали после очистки образы в барабане храма. Работы ведет Вячеслав Андреевич Наумов, иконописец-реставратор с многолетним стажем; его кисти, кстати, и принадлежат росписи в Знаменском храме.

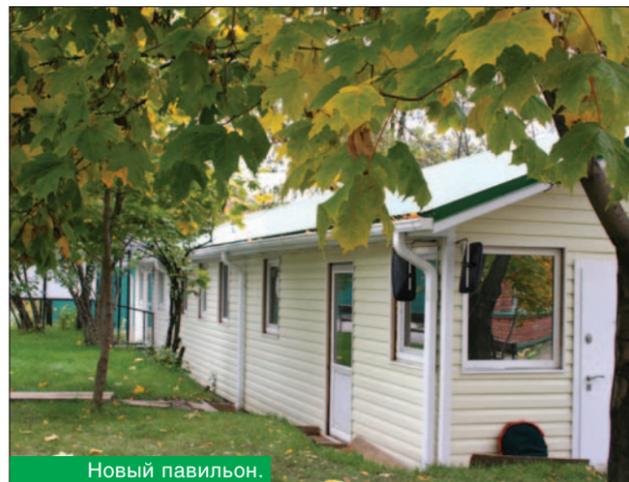
Новенькие медные водостоки, установленные совсем недавно, еще сверкают, как золотые, даже в пасмурную погоду. Полным ходом идут реставрационные работы в нижнем Никольском храме, заново оштукатурены стены.

В приходском доме тоже немало примечательного. Завершена реконструкция второго этажа, отданного под нужды воскресной школы. Теперь там разместились два просторных, светлых класса.

Появились у прихода и своя просфорная, и мастерская, оснащенная печью для обжига керамики, о которых мы постараемся подробнее рассказать в следующих номерах «Лампады».

Реставратор Вячеслав Андреевич Наумов за работой.

Новый павильон.

Новый водосток.

Ступени северного крыльца.

Работы в нижнем храме.

ИКОНОГРАФИЯ

Введение во храм Пресвятой Богородицы

21 ноября (4 декабря по новому стилю) Православная Церковь отмечает праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. В этот день вспоминается событие, тесно связанное как с Ветхим, так и с Новым Заветом. Святые праведные Иоаким и Анна привели в Иерусалимский храм свое долгожданное дитя, чтобы посвятить его Богу, исполняя данный в бездетности обет. Смысл праздника раскрывают богослужебные песнопения, в которых Богородица величается храмом, вместилищем невместимого Бога («Днесь боговместимый храм Богородица, в храм Господень приводится» *2-я стихира на литии, глас 4*), а также одушевленным Ковчегом, приносимым во Святая Святыя – самую священную часть Иерусалимского храма, в которую мог входить раз в год только первосвященник. Там хранился Ковчег Завета, и там Пречистой Деве было отведено место для пребывания и молитвы.

По всей видимости, праздник Введения отмечался уже в VI–VII веках, так как имеются сведения, что в это время в Иерусалиме существовал одноименный храм, стоявший, по преданию, на месте притвора Соломона, где некогда провела отрочество Приснодева. Повсеместное распространение праздник получил в VIII–IX веках. В IX веке архиепископ Георгий Никомидийский составил празднику канон и написал ряд стихир. Второй канон празднику составил в X веке архиепископ Василий Кесарийский (Пагариот). Оба сочинения используются в современном православном богослужении.

Источником иконографии праздника служит Протоевангелие Иакова – широко распространенное апокрифическое сочинение, в котором описываются события, предшествующие рождению Спасителя и проповеди христианства. Именно из него мы узнаём о жизни Богородицы от времени Её зачатия праведной Анной до рождения Спасителя.

Древнейшие изображения «Введения во храм» известны с VI века и получают широкое распространение в составе житийных богородичных циклов в искусстве Византии и Древней Руси в XI–XII веках. Введение изображено на миниатюре Минология¹ Василия II (начало IX века, Библиотека Ватикана), на фрагментах эпистилей² из монастыря Ватопед (XII века, Афон) и из монастыря святой Екатерины на Синае (конец XII века). Среди древнейших сохранившихся образов праздника в Древней Руси следует отметить Введение из росписи апсиды диакона Софийского собора Киева (середина XI века), где располагался довольно подробный протоевангельский цикл.

Введение во храм. Роспись церкви во имя Иоакима и Анны в Студенице. 1313–1314 годы. Сербия.

Практически все образы Введения имеют общую композиционную схему. На них представлена торжественная процессия израильских дев со свечами в руках, сопровождающих святых Иоакима и Анну. Маленькая фигурка трехлетней Богородицы изображается впереди. У дверей святилища, закрытых, как на мозаике церкви Успения в Дафни (вторая половина XI века), или распахнутых, как на мозаике купола нартекса³ монастыря Хора (Кахрие Джамии, начало XIV века), Её встречает первосвященник Захария. Традиционно он изображается склонившимся к Марии, однако его жесты бывают разнообразны. Так, на фреске XIV века церкви в Протате (Афон) Захария обнимает будущую Матерь Бога за плечо, на фреске церкви Успения на Волотовом поле (вторая половина XIV века, Новгород) первосвященник слегка касается рукой головы Девы, а на иконе-«таблетке» XV века из Сергиево-Посадского музея-заповедника (Ризницы) держит Её за руку.

Основной сюжет часто дополняется сценой питания Богородицы. Пресвятая Дева, сидя на возвышении в Святая Святыя, куда ведут три или более ступеней, покровенными руками принимает хлеб от спускающегося с небес ангела. На фреске церкви Иоакима и Анны в Студенице (1313–1314 годы, Сербия) это место изображено за покрытым багряным сукном престолом. Звучащая здесь тема Евхаристии подкрепляется песнопениями из службы Введению: «Небесным воспитана Дево хлебом верно в храме Господни, родила еси миру жизни хлеб, Слово» (*3-я стихира на хвалитех, глас 1*).

В системе монументальной храмовой живописи рассматриваемая сцена зачастую занимала особое место, что подчеркивало её смысловое значение. Так, в росписи церкви Спаса на Нередице (1199 год, Новгород) рядом с «Введением во храм» было расположено «Сретение Господне», так как приведение Марии во храм и посвящение Её на служение Господу соотносилось с будущим земным служением Христа. Кроме того, в день Введения Богородица прославляется как жертва Богу, прообраз той жертвы, которую принесет Сам Господь. Именно поэтому в росписи храма Феодора Стратилата на Ручью (80–90-е годы XIV века, Новгород) Введение расположено под Распятием.

Среди многочисленных памятников весьма интересны имеющие редкие иконографические особенности. Изображенное на обороте иконы Богородицы Перивлепты «Введение во храм» (XIV век, церковь во имя святого Климента в Охриде, Македония) соответствует традиционной иконографической схеме, однако особое внимание обращает одна уникальная деталь – длинный белый плат на голове Богородицы, покрытый поверх мафория⁴. Возможно, эта подробность допущена в связи с тем, что в словах древних святых отцов Церкви упоминалось особое царское одеяние Богородицы, которым праведная Анна украсила Пречистую в день Её посвящения во храм. Так, блаженный Феодилант, архиепископ Болгарский, в «Слове на Введение» об особом украшении Девы замечал: «Надлежало, чтобы введение во храм Божественной Отроковицы было достойно Её, чтобы такой пресветлой и многоценной Жемчужины не касалась убогая одежда. Следовало одеть Её в царскую одежду на славу».

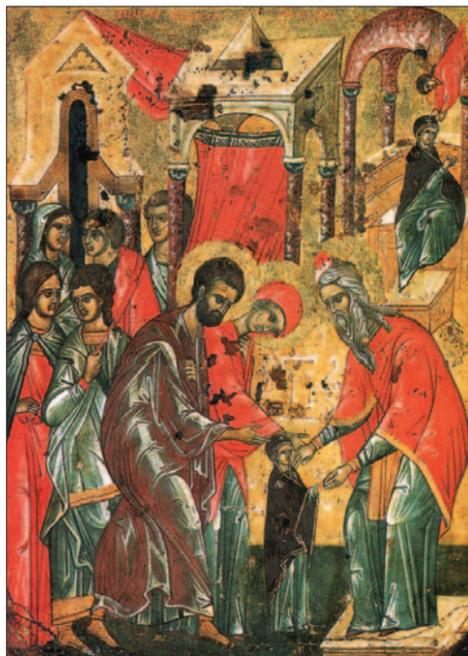
На новгородской иконе XIV века, хранящейся в Государственном Русском музее, Введение представлено в интерьере храма, а за фигурой первосвященника Захарии изображен праведный Иосиф Обручник. Возможно, здесь отразилось слияние двух связанных с жизнью Богородицы событий: Введения во храм и Обручения Марии.

Иерусалимский храм в виде русской церкви с луковичными главками представлен и на иконе 1560-х годов из Ярославля (из коллекции икон арт-галереи «Дежа-вю»). Интересно, что здесь две группы дев: одна под сводами храма, другая традиционно вне его, за фигурами Иоакима и Анны. Изображение Введения в интерьере пятиглавого храма присутствует также в росписи Успенского собора Московского Кремля (1642–1643 годы).

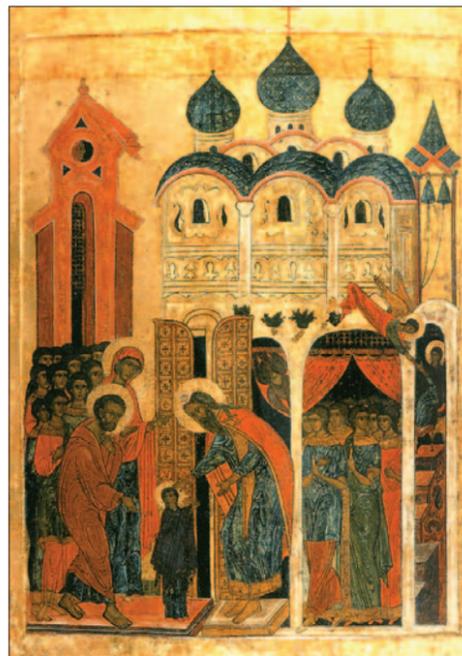
Светлана Липатова

Введение во храм. Оборот иконы Богородицы Перивлепты. Церковь во имя святого Климента. XIV век. Охрид, Македония.

Введение во храм. Икона-«таблетка». XV век. Сергиево-Посадский музей-заповедник (Ризница).

Введение во храм. Икона. 3-я четверть XVI века. Собрание икон арт-галереи «Дежа-вю».

Примечания

¹ *Минология* – сводный корпус житий святых, расположенных в календарном порядке.

² *Эпистиль* – нижняя часть балочной конструкции, опирающаяся непосредственно на колонну.

³ *Нартекс* – притвор, входное помещение, примыкавшее обычно к западной стороне христианских храмов, предназначавшееся для лиц, не имевших права войти внутрь главного помещения для молящихся.

⁴ *Мафорий* – длинное женское покрывало, спускающееся с головы до пят.

ИНТЕРВЬЮ

Первые шаги в храме

Мы беседуем с одним из деятельных служителей Христо-Рождественского Собора города Тирасполя отцом Христофором (Вахабовым). Кроме своих повседневных обязанностей, батюшка возглавляет один из местных православных интернет-порталов и является сооснователем новой молодежной церковной организации «Ладья».

Отец Христофор (Вахабов).

– Отец Христофор, с какими преградами сталкивается человек, когда приходит в храм?

– Одной из досадных преград на пути новопришедшего являются фанатичные псевдоблагочестивые прихожане, которые воспринимают его как чужака и на каждом шагу встречают его замечаниями и угрюмым взглядом. Эти люди забывают, что православный христианин должен быть любвеобилен и дружелюбен, ибо древо познаётся по плодам его. Не соблюдая таких простых правил, будучи замкнутым, церковный человек таким образом не соответствует собственному званию.

Говоря о необходимости получения советов и разъяснений в храме, следует отметить, что на данный момент в Церкви, к сожалению, не существует определенной системы катехизаторов, поэтому новопришедший сталкивается с отсутствием возможности что-либо спросить у священника, а также с недоступностью батюшки для беседы. Но огорчаться не стоит. Много можно почерпнуть из соответствующей литературы, а также из популярного ныне средства информации – интернета.

Другой животрепещущей проблемой является то, что человек, пришедший в церковь, обладает некими стереотипами, ложными представлениями о ней, зачастую сложившимися из кинофильмов, где изображается католический храм. К сожалению, иногда возникает соблазн уйти в протестантскую или другую общину сектантов, где примут как родного, будут холить и лелеять. Следует знать, что раскольники выстраивают представление о себе через ненависть к другим религиям, создавая вокруг негативную атмосферу.

– Да, у человека порой складывается совсем не такое впечатление от увиденного в храме, какого бы хотелось. Не все прихожане добры, священник не уделяет достаточно внимания... Как поступать в данном случае и о чём надо помнить?

– Во-первых, как говорил преподобный Лонгин, если человек действительно ищет и любит

Бога, он придет в Православие и останется в Церкви. Таким образом, если стремление новопришедшего истинно, бескорыстно, построено на благих намерениях, он и духовника хорошего найдет, и обращать особого внимания на искушения не будет. Помните: Вы идете к Богу, а не к людям, всякие возникающие на пути Вашей преграды являются искушением от лукавого, его попыткой удержать душу у себя и не дать ей обрести спасение.

– Какие ошибки обычно совершает новопришедший?

– Человек, впервые посещающий храм, боится подойти к священнику и задать ему волнующие вопросы, побеседовать, посоветоваться. Вместо того он спрашивает прихожан, иногда имеющих отличное от Церкви мнение, искаженное представление о вещах и толкующих догмы со стороны своего мировоззрения. В результате новопришедший делает выводы из сказанного ему мирским человеком, хотя принимать такие «советы» как абсолютную истину не стоит. Не бойтесь подойти к священнику и спросить его, а если разъяснений недостаточно, воспользуйтесь такими чудесными изданиями, как «Фома» и «Нескучный сад». Не представляется возможности купить их в печатном виде – скачайте в интернете.

Здесь следует упомянуть, что в церкви есть фанатичные люди, считающие интернет изобретением лукавого, что не так. Если кто-то из слишком благочестивых прихожан советует отказать от его посещения, помните, что интернет является лишь инновацией и сам по себе никакого вреда нанести христианину не может.

Другая ошибка новопришедшего состоит в том, что он впадает в гордыню. Общась до прихода в церковь в среде неверующих, а затем, получив в храме новую порцию знаний вне зависимости от их значения, начинает поучать всех вокруг, как жить правильно, осуждая, ругая и считая себя самым благочестивым из всех своих знакомых. Кроме того, зачастую навязывает им личное, субъективное мнение. В храме этот человек делает замечания таким же новопришедшим, как и он. Данное состояние называется неофитством, а переживающие его неофитами.

Самое страшное в неофитстве то, что данный этап иногда длится несколько лет, человек остается долгое время в первом классе своего духовного развития. Очень хороший пример привел по этому поводу диакон Андрей Кураев. Приезжает человек в храм, открывает дверь, заглядывает. Анализирует происходящее: свечки горят, священник молится, хор поет. Хорошо! Закрывает дверь и убегает. Зовет знакомого, объясняет, как замечательно в церкви, вместе они приходят, вновь открывают врата, посмотрят и уходят. И так, друг через друга передавая искаженное представление о храме, остаются дилетантами, ничего, по сути, о внутренней жизни древа Христова не знающими. Недаром среди священнослужителей бытует мнение, что не так сложно привести человека в церковь, как воцерковить его.

– Как молиться новонаначальному христианину?

– Слишком длинных правил поначалу вычитывать не следует. Для новопришедшего это сложно. Достаточно читать утром и вечером «Отче наш» и молиться своими словами. Так, как Господь на сердце положит. Молитва от всей души, состоящая буквально из нескольких слов, предложений, иногда бывает сильнее многостраничных правил, потому что прочитана

Маленький шаг в большую жизнь.

искренне, с всецелым осознанием. А поскольку человек воцерковляющийся много еще не понимает, именно такое общение с Богом для него на данной стадии лучше всего. По возможности понемногу нужно читать Евангелие: оно является основой нашей веры, вся жизнь церковная и православное мировоззрение складываются именно в соответствии со Священным Писанием.

– Как следует теперь человеку относиться к своим повседневным обязанностям, работе, учебе? Нужно ли что-то менять?

– Относиться с такой тщательностью и старанием, как и прежде. Приход в храм совершенно не означает, что теперь необходимо ежедневно по несколько часов проводить в церкви и выстаивать длинные службы. Работа кормит нас, она возвращает богоугодные качества трудолюбия и терпения. Кроме того, не следует уклоняться и от своей ответственности перед близкими, надо проводить достаточно времени с детьми, родителями, родственниками, исполнять послушание по дому. Нельзя в ущерб собственной семье «заботиться» о своем душевном благосостоянии, вести «богословскую» просветительскую деятельность, этим занимаются священники. Здесь главное – не переусердствовать. Стоит ли пытаться облагородить внешний мир, если дома не хватает твоего присутствия? Такое поведение не угодно Богу. Наоборот, необходимо стать еще более полезным своему окружению.

– А чем может помочь воцерковленный православный человек тому, кто только пришел в храм?

– Он должен стать новонаначальному настоящему собратом, как учит Православная Церковь, помочь ближнему, встретить его с любовью, пониманием. Часто случается так, что в церковь люди приходят, когда у них случается горе, поэтому не стоит упрекать в неграмотности, корысти, давать ненужные наставления, как следует жить. По возможности необходимо оказать помощь и поддержку, подвести к батюшке, утешить. Не нужно замыкаться и вести себя дерзко и угрюмо, смотреть на новопришедшего как на незваного гостя. Наоборот, покажите, что ему здесь рады, его здесь всегда поддержат и никогда не оставят наедине со своим горем или проблемой. Так и должен поступать истинный христианин, находясь в Доме Господа. Чтобы иметь право на звание православного, прежде всего необходимо стать человеком.

Беседовала Екатерина Семенюк.
Фото автора.

СОРОК СОРОКОВ

Введенский храм на Поварской

Церковь Симеона Столпника на Поварской построена в 1676 году (в некоторых источниках встречается датировка 1676–1679). Первое упоминание о деревянном храме на этом месте относится к 1625 году. В ряде документов он значится также как церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы на Дехтярном огороде, что у Арбатских ворот. Местность эта была дворцовой Поварской слободой, где жили люди из штата Сытного дворца (по данным 1573 года их насчитывалось почти 500 человек: повара, хлебники, мясники, скатертники, подключники и другие). Отсюда и пошли названия улиц и переулков между нынешним Новым Арбатом и Большой Никитской: Поварская улица, Хлебный, Скатертный, Столовый, Ножовый переулки. К XVII веку в богатой слободе царских поваров значатся два храма. Поварская улица прежде, с XII века, являлась древней Волоцкой дорогой, ведшей в Волоколамск и Новгород, и служила не только торговым путем, но и своего рода «правительственной трассой». По ней возвращался из Новгорода в Москву в 1471 году царь Иван III, а в 1572 Иван Грозный.

Название храма Симеона Столпника связывают с именем Бориса Годунова, который венчался в праздник этого святого и, вероятно, повелел поставить здесь (и не только здесь) деревянный храм в его честь и в память о своем венчании.

В конце XVII века на месте деревянного храма начали строить новый из большемерного кирпича. Небольшое здание выполнено в стиле русского узорочья, с пятью главами, трапезной, колокольней и двумя приделами, каждый с отдельной апсидой и главкой. Главный престол храма – Введенский, а приделы – во имя Симеона Столпника и Николая Чудотворца, последний в 1759 году переосвящен во имя Дмитрия Ростовского. На колокольне находились колокола литья мастера Федора Дмитриевича Моторина (1630–1688), основателя знаменитой династии литейщиков. Колокола утрачены в советское время, в 1930-х годах. Как и в случае со многими «огненными» храмами (четверик которых украшали ряды кокошников), ярусное покрытие храма Симеона Столпника в XIX веке заменили на более простое и практичное четырехскатное и восстановили лишь при реставрации в 1966 году.

Храм был популярен среди московской интеллигенции как место венчания. Но и до появления такой традиции здесь в 1801 году состоялось одно из самых известных и громких венчаний – бракосочетание графа Николая Петровича Шереметева и актрисы Прасковьи Ивановны Жемчуговой-Ковалевой. Венчание было тайным, но всё равно наделало шуму в высшем свете. Любовь богатого и высокородного Шереметева к дочери деревенского кузнеца до сих пор остается одной из самых романтических страниц нашей истории. Впервые увидев

Прасковью Жемчугову в 1773 году, Шереметев был потрясен и написал об этом: «Если бы ангел сошел с небес, если гром и молния ударили разом, я был бы менее поражен». Решившись на неравный брак с крестьянкой, он категорически отказывался от женитьбы на самых блистательных невестах. Только при Александре I Шереметев наконец получает разрешение на брак. Но их законное супружество продлилось недолго: в 1803 году после рождения сына графиня Шереметева скончалась от туберкулеза. В память о любимой жене и по её завещанию граф построил в Москве Странноприимный дом для бедных.

В храме Симеона Столпника в 1816 году также обвенчались писатель Сергей Тимофеевич Аксаков и Ольга Семеновна Заплата. Кроме двух известных пар, которые непременно фигурируют в описании храма, здесь в 1866 году венчались Константин Петрович Победоносцев (в будущем сенатор и обер-прокурор Синода) и Екатерина Александровна Энгельгардт.

Прихожанином церкви Симеона Столпника на Поварской в последние годы жизни являлся Николай Васильевич Гоголь, живший тогда в доме Толстых на Никитском бульваре. Местный священник причащал умирающего писателя в феврале 1852 года.

После революции храм закрыли и в 1930 году фактически отдали на слом. Снесли красивую ограду, разобрали часть деталей самой церкви. Полуразрушенная, она достояла до решения о строительстве новой московской магистрали – проспекта Калинина на месте бывшей царской Кречетной слободы. Первоначально церковь, не вписывавшуюся в ряд новостроек из стекла и бетона, собирались снести, но неимоверными усилиями общественности её удалось спасти. В 1966 году началась реставрация, восстановили изначальную форму кровли, даже украсили маковки крестами, которые почти сразу по распоряжению высшего начальства срезали автогеном. Через два года здание храма отдали Всероссийскому обществу охраны природы, в нём разместился выставочный зал мелких животных и птиц: морских свинок, белых крыс, попугайчиков, канареек и т.д. В результате небольшое помещение насквозь пропиталось запахом помёта. Интерьеры храма были окончательно уничтожены. К счастью, вскоре вместо животных здесь стали проводить выставки картин и народного творчества.

В 1990 году на главы храма вновь водрузили кресты (по распоряжению заместителя председателя Мосгорисполкома А.С.Матросова). В 1991 году церковь Симеона Столпника передали верующим, хотя освободили её только к 1992 году. Стены заново расписали молодые художники, начав с центрального Введенского алтаря. Это была непростая работа, так как мастера-реставраторы решили использовать старинную технику фрески, которая применялась во время

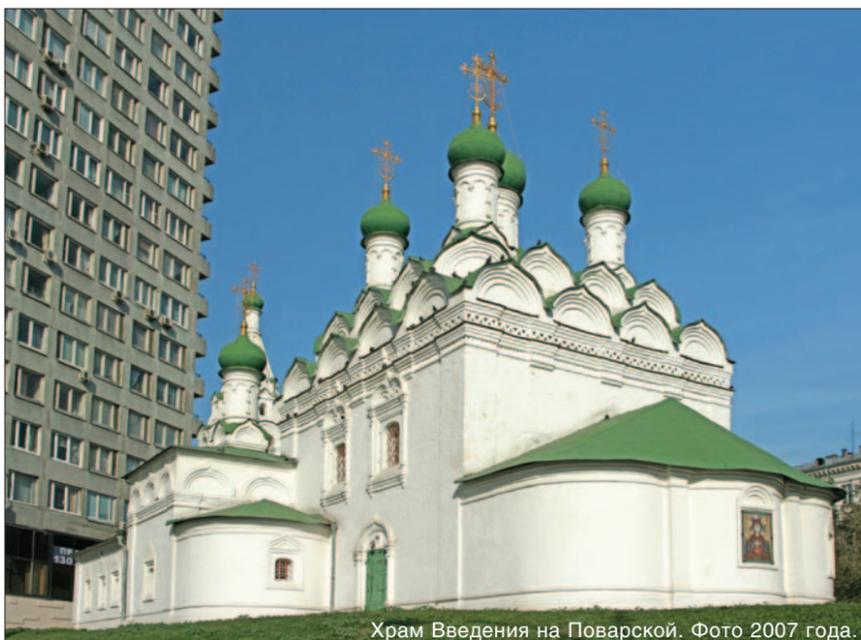
возведения храма в XVII веке. Средств на дальнейшую роспись не хватало, но помощь пришла неожиданно. Однажды, проезжая по Новому Арбату, храм посетил Святейший Патриарх Алексий II, осмотрел алтарные фрески и благословил продолжение работ. Вскоре настоятелю храма о.Сергию Никитину двое предпринимателей предложили средства на роспись.

От прежнего убранства уцелела храмовая икона преподобного Симеона Столпника, сохранившаяся у прихожан.

В наши дни реставрация храма продолжается. Снаружи она завершена, а внутри полностью восстановлена центральная часть и завершаются работы в приделе Симеона Столпника. Скоро дойдет очередь и до второго придела во имя Дмитрия Ростовского.

То, что храм находится в самом центре столицы на оживленной улице, не помогает расширению прихода. Старые жильцы дома здесь вытесняются офисными зданиями, а их жителей переселяют подальше от Арбата. Из почти 40 пожилых прихожан, вместе с которыми настоятель возрождал приход, сейчас остались только двое. Но есть и другая тенденция: к храму Симеона Столпника тянутся семьи, люди приезжают на службы даже из других районов города. Эта атмосфера сплоченности прихожан, их духовной общности ощущается сразу при входе в храм. Воскресной школы при храме нет (несколько школ в Центральном округе открыты при других храмах), но со взрослыми настоятель нередко проводит беседы, читает лекции. «То, что происходит сейчас: нивелирование морали и духовности, власть денег, жажда наживы – всё это преходяще, – говорит он. – А семейные ценности, любовь людей друг к другу, к детям, вера в Господа – вечны. И важно, чтобы люди не забывали об этом, понимали, что в жизни на самом деле главное». Пожалуй, лучшим олицетворением его слов является сам Симеоновский храм, который не смогли разрушить никакие катаклизмы и никакие «хозяйева жизни». И сейчас на фоне постоянно меняющихся рекламных огней и посеревших от времени высоток Нового Арбата стоит маленькая, но не стареющая белая церковь...

Елена Жукова
Фото автора.

Храм Введения на Поварской. Фото 2007 года.

Интерьер храма.

ОБРАЗОВАНИЕ

Елена Николаевна Мошкина – кандидат филологических наук, лауреат II Всероссийского педагогического конкурса «Серафимовский учитель», директор Вятской православной гимназии во имя преподобного Трифона Вятского, поистине уникальной государственной (!) школы. В стенах Вятской гимназии, помимо общеобразовательных дисциплин, изучаются также древние языки: церковнославянский, основы латыни и греческого (соответственно с 3, 8 и 9-го класса), создаются оригинальные учебные пособия. Есть и своя интересная газета «Честное слово», на страницах которой опубликовано интервью с Еленой Николаевной, посвященное её самому любимому предмету.

Зачем современным детям церковнославянский?

– Елена Николаевна, несколько раз слышал недоуменный вопрос, зачем, мол, в гимназии изучают «мертвый» церковнославянский язык? Как директор и одновременно преподаватель церковнославянского языка – что Вы скажете на это?

– Предполагаю, что такой вопрос мог возникнуть у человека, который недавно пришел в Православную Церковь и для которого Богослужение пока не стало неотделимой частью его жизни. Дело в том, что наша православная гимназия пытается ввести маленького человечка в храм Слова в переносном смысле и в храм Бога Слова в прямом смысле, то есть в христианскую Церковь.

Если говорить о первой цели, то углубленное изучение русского языка достигается не только дополнительным количеством часов по русскому языку. Надо еще развивать у детей лингвистический кругозор, языковое чутье. А это невозможно без изучения церковнославянского, латинского и древнегреческого языка. Ведь современный русский язык сегодня сильно примитивизируется, а носители языка, русские по рождению люди, перестают пользоваться его богатейшими возможностями. Я убеждена, что нашей стране всегда будут нужны люди, умеющие красиво и грамотно выражать свои мысли, в том числе писатели, проповедники, педагоги.

Вторая цель, гораздо более узкая, – глубокое понимание православного Богослужения, которое совершается на церковнославянском языке. Это целый пласт жизни, освоив который, человек преобразуется внутренне и уже не мыслит себя вне Православной Церкви, вне Христа. И тогда этот человек открывает для себя, что церковнославянский язык – это живой язык, на котором происходит разговор с Богом.

– Но ведь многие учащиеся из воцерковленных семей начинают изучать этот язык в гимназии как давно знакомый?

– Да, некоторые ребята имеют хорошую базу, их цепкая память хранит многие богослужебные тексты, которые они многократно слышали на семейной молитве и в храме. Но здесь возникают свои трудности: у таких детей понимание смысла идет на уровне детской или народной этимологии. Например, слова Рождественского кондака «*волсви же со звѣздой пѣтешествуютъ*» некоторые понимают как «волки

Фото: Екатерина Семенов

Это целый пласт жизни, освоив который, человек преобразуется внутренне и уже не мыслит себя вне Православной Церкви, вне Христа.

со звездой путешествуют» («волки» – с ударением на последнем слоге). Им кажется, что грамматика церковнославянского языка разрушает их наивно-образное восприятие.

– А как учатся те дети, для которых церковнославянский как иностранный?

– Тут трудностей, конечно, больше. Но и для таких детей «мертвый» язык в одночасье «оживает», когда мы приходим с ними в храм. Они слышат возгласы диакона, чтение Псалтири и Евангелия. И вдруг обнаруживают, что слышат знакомые слова и фразы.

– В средней школе долгое время не было такого предмета, как церковнославянский язык, и традиции его преподавания утрачены. А сегодня в гимназии церковнославянский язык изучается так, как иностранный?

– К сожалению, мы часто сбиваемся на такую методику преподавания. Мало заучиваем наизусть

церковнославянских текстов, а уделяем больше внимания заучиванию правил, то есть, увы, излишне формализуем процесс обучения. Но для традиционного подхода к изучению церковнославянского языка необходимо, чтобы ученик каждый день слышал его звучание. Нужна языковая атмосфера. А ведь у нас далеко не во всех семьях она имеется.

– Что можно рекомендовать родителям, дети которых испытывают трудности с изучением церковнославянского языка?

– Чаще ходить в храм. Устраивать семейное чтение вслух по-церковнославянски: Евангелие, Псалтирь, жития святых, а самое доступное для ребенка – это совместная молитва. В житии преподобного Серафима Саровского приводится его поучение о том, что Псалтирь надо читать вслух даже самому себе, ибо сказано: «*блѣхъ моему да си радость и веселіе*».

– Как можно детям привить любовь к церковнославянскому?

– Я не думаю, что это можно как-то привить: это дается свыше. Ведь и в Церковь человек приходит не сам, а его призывает Господь Бог. Неизвестно, чьими молитвами и заслугами это происходит. Так же и с церковнославянским языком. Приведу один пример. Кроме гимназии, мне приходится преподавать этот предмет в педагогическом университете. Когда-то у меня там училась одна студентка, самая обыкновенная в ту пору. А сегодня она трудится в Издательском Совете Московской Патриархии, готовит богослужебную литературу к печати.

– Получается, что церковнославянский язык имеет огромное воспитательное значение. А с утилитарной точки зрения – как он может пригодиться на практике?

– Возможно, кто-то из наших гимназистов станет служить в церкви, где это будет востребовано в полной мере. Да ведь у нас и среди простых мирян, особенно в сельских храмах, некому бывает почитать Часы или, например, Деяния Апостолов, которые традиционно читаются прихожанами в центре храма накануне Пасхальной заутрени.

– А помимо занятий, как используются в гимназии навыки церковнославянского языка?

– А вот как: за грубое, бранное слово, за обзывательство гимназист может получить такое послушание: написать 50 или 100 раз на церковнославянском языке «*Гди, положи храненіе оустѣмъ моймъ*» со всеми титлами и знаками ударения. Этой молитвой надо исписать не один десяток тетрадных листков. Однажды после такого упражнения один ученик признался: «Да, где-то на восьмом десятке я понял, что лучше уж я вообще молчать буду».

– Словом, церковнославянский способен облагородить не только речь, но и образ мыслей человека?

– Но ведь это же язык православного Богослужения, язык общения с Богом! Богослужебные тексты, которые мы изучаем на занятиях, заполняют речевое пространство детей. А в противном случае образовавшаяся пустота в их душах будет заполнена современной массовой культурой.

Беседовал
Олег Семенович.

ИМЕНА И СУДЬБЫ

Он или служил, или умирал

Протоиерей Александр Зайцев (1944–2003) рукоположен в священный сан в 1977 году. С 1993 года до конца своих дней служил в храме во имя святого благоверного князя Александра Невского в Шувалове, в Санкт-Петербурге.

Познакомилась я с ним так же, как почти все молодые прихожане нашего храма: он меня «заловил». Да, именно заловил, иначе не скажешь. Точнее, заловил он нас вдвоем с моим однокурсником, когда мы почему-то решили зайти в церковь.

Был светлый, теплый вечер одной из суббот после Пасхи. В церкви было полутемно и почти пусто: её уже собирались закрывать. Только в углу рядом с аналоем стоял священник и какая-то женщина, которая шепотом ему исповедовалась и иногда всхлипывала.

Мы, как водится, пошатались по храму и собрались было выходить, как вдруг батюшка окликнул моего приятеля:

– Подожди меня, я скоро освобожусь, надо поговорить!

Потом, когда батюшка освободился, он побеседовал с нами. Выспросил, как нас зовут, где мы учимся, чем занимаемся. Выяснилось, что люди мы в церковном отношении совсем безграмотные, что я знаю только «Отче наш» да «Богородицу», а Символ Веры уже со скрипом. Что такое Исповедь и Причастие, вообще не представляю. Потешался надо мной: «Ты чего такие огромные глаза сделала? В первый раз, что ли, живого батюшку видишь? Да-да, я страшный, и фамилия у меня звериная!»

Он ничего не навязывал. Он говорил очень простые, очень новые для нас (во всяком случае для меня), очень интересные вещи. Это был в легкой, доступной форме православный ликбез о том, что лучше сразу выбрать себе свой храм и своего духовника, о том, что нужно обязательно молиться утром и вечером, а если утром не хватает времени, то молиться одновременно с делами (сам картинно показал, как чистить зубы и одновременно молиться), о важности Таинства Причащения и о том, как к нему правильно подготовиться.

Но это была и настоящая проповедь, Проповедь с большой буквы, а не занудное нравоучение, за какое часто укоряют ретивых христианских проповедников. Он говорил, как «власть имущий», как настоящий «наместник Бога на земле». Этот разговор запомнился, запал в душу, стал тем семенем Слова Божьего, о котором говорится в Евангелии. Именно отец Александр сумел так посеять это семя, чтобы оно взошло, прижилось и произрастало. С этого момента началось наше воцерковление. Я пою на клиросе, а мой товарищ даже закончил духовную семинарию. Все чтецы нашего храма были также «заловлены» и приведены в храм отцом Александром.

Некоторое время спустя я пришла на клирос в тот самый храм, встретила (не в храме) будущего мужа, который был тогда некрещеным. Однажды он решил пойти со мной на всенощную послушать, как поет наш хор и чем это я вообще занимаюсь.

Когда на всенощной отец Александр начал помазывать всех, Ванька, конечно, не пошел, во-первых, потому что решил, что он «чужой на этом празднике жизни», во-вторых, его держала виолончель (да-да, он с виолончелью в храм явился после занятий, а с ней ой как трудно пробраться через толпу народа!).

Во время помазания отец Александр увидел новое лицо. Он поманил Ваню пальцем: «Иди сюда». Ваня заробел и не пошел.

«Хорошо, – говорит отец Александр, – раз ты не идешь, давай я к тебе подойду».

Подошел (велел расступиться куче народу, которая обычна для субботней всенощной), спросил, кто такой, как зовут, велел остаться после службы поговорить.

О чём они говорили, не знаю. Но через год мой (тогда будущий) муж крестился в нашем храме, а чуть позже начал петь у нас в хоре.

Отец Александр умел заинтересовать человека, побудить его к тому, чтобы как-то разобраться, что есть вера, что есть Церковь, что означают церковные Таинства и обряды. Он никого не тащил в

Церковь на аркане, он давал человеку возможность самому понять: это то, что нужно. И думаю, он очень-очень за всех нас молился. И молится до сих пор.

Он всегда говорил очень просто: молиться, причащаться регулярно, контролировать себя и свои поступки. Если согрешишь, поцапаешься с кем-то, потеряешь благодать в себе, то остановись и лишний раз прочитай молитву. Он очень часто это повторял, а мы все в большинстве случаев этого не выполняли, потому что на практике для стандартного грешника это почему-то трудно выполнимо. И отец Александр терпеливо из раза в раз говорил: «Контролируй себя, молись».

Часто он просил и наших молитв, постоянно напоминал, что священнику необходима постоянная молитва прихожан. И мы молились, как умели.

Его любили. И он всех любил. Любил всех прихожан, «захожан» и «мимопрохожан». На проповеди он всегда обращался к народу «Родные мои», а каждого человека по отдельности звал каким-нибудь ласковым именем. Нас он называл «Соловьи шуваловские» (храм находится в Шувалове – раньше была такая деревня, теперь район города), он звал нас так даже тогда, когда мы пели, как воробьи. Он постоянно призывал всех улыбаться. Стоишь, бывало, после службы, устанешь, закинешь, а тебя поймает отец Александр: «Чего не улыбаешься? Православные христиане – это те, кто радуется и улыбается!» Особенно он укорял, если в праздник кто приходил с мрачной миной или мрачно одетый, по воскресеньям часто доставалось бабулям в черных платках.

Он служил очень торжественно. Некоторые возгласы и песнопения до сих пор остались в моей памяти связанными именно с его интонацией: величественное «Кто бог великий, яко Бог наш», одновременно мощное и очень-очень радостное «Христос воскрес из мертвых», или величественное «Свет Христов просвещает всех!», которое он каждый раз произносил так, будто видел этот свет, или проникновенное, откуда-то совсем из глубин души «Услыши ны, Боже, Спасителю наш, упование всех концов земли и сущих в море далече...»

Я боялась отца Александра. Он всегда так властно смотрел и разговаривал, что мне казалось, Сам Господь смотрит на меня и говорит со мной. На Исповеди было полное впечатление, что исповедуешься не священнику, а Богу, и оттого очень ответственно и страшно.

Отец Александр был очень болен. Он перенес тяжелую операцию на сердце (я в этом ничего не понимаю, но у него сердце на каком-то вроде как искусственном механизме работало, как-то так). Дважды в год ему приходилось ложиться в больницу для поддержания стабильного состояния. Иногда он внепланово попадал в больницу из-за резкого ухудшения.

Его лечащий врач тоже был чтецом в нашем храме (впрочем, он и сейчас у нас в храме). Отец Александр когда-то «заловил» его прямо в больнице. Через него мы могли узнавать о самочувствии батюшки.

На самом деле никто из нас толком себе не представлял, как сильно болел отец Александр. Он всегда выглядел бодрым и заражал нас своей силой. После его смерти один священник, его друг, поразил нас, сказав, что у отца Александра было два состояния: он или служил, или умирал... Только действием Божественной силы можно было объяснить то, что он прожил больше 50 лет, это было настоящее чудо.

Он любил соборную молитву. Он любил, когда люди поют все вместе. Он всегда сам запевал «Отче наш», или «Тело Христово примите», или «Воскресение Христово видевше», или «Царице моя Преблагая», запевал так уверенно, что все сразу подхватывали и пели дружно и довольно стройно. Он не упускал ни одного случая дать попеть всему народу вместе. Если начинали

фальшивить и «разбредаться», он подзадоривал: «Ну куда ж вы? Дружнее пойте, дружнее!» и показывал, как нужно, своим сильным голосом. Когда он служил, всегда было ощущение праздника.

Когда-то отец Александр подрабатывал Дедом Морозом. Должно быть, эта роль очень ему подходила. Он всегда умел и любил устраивать праздник.

Матушка отца Александра – дочь известного священника протоиерея Глеба Каледы. У них пятеро детей: три сына и две дочери. Одна из дочерей монахиня в Зачатьевском монастыре в Москве, настоятельница которого её родная тетка, дочь о.Глеба.

Ближе всех мы знали (и знаем) Лиду, теперь она уже матушка Лидия. Её муж раньше служил диаконом в нашем храме, потом его рукоположили во иерея и перевели в другой храм. Лида, правда, до сих пор особенно любит именно наш храм и периодически приходит туда с детьми.

По-моему, отец Александр больше всех других детей любил именно Лиду. Во всяком случае он часто говорил о ней, о её семье, о новой домашней Церкви. У Лиды трое детей – все мальчики. Когда она родила третьего сына, одна из прихожанок нашего храма умерла в родах, оставив маленькую девочку. Лида и её муж (тоже иерей Александр) взяли девочку к себе в семью, Лида выкормила её своим молочком, и теперь у них живет уже четверо детей.

Как-то летом перед отъездом в отпуск отец Александр вдруг вызвал меня и Ваньку вместе на разговор. Спросил:

– Вы когда жениться собираетесь? (Мы таки уже собирались, но попозже, через годик.)

– Да вот, через год...

– А почему не сейчас? – странно, нетерпеливо так спросил.

– Ну... мы же еще учимся... я не работаю (Ваня тогда еще не работал), Маша мало зарабатывает...

– Ну и что? Это же всё временно, а так у вас СЕМЬЯ будет. Понимаете? СЕМЬЯ!

Ехать в отпуск отец Александр собирался после праздника Казанской иконы Божией Матери. На сам праздник, говорят, он служил особенно торжественно и проникновенно и на проповеди потом говорил: «Ну вот, родные мои, я уезжаю... Молитесь, берегите друг друга, молитесь и обо мне».

После этой литургии перед отъездом он успел всем дать напутствие, каждому сказать что-то важное... Потом он вернулся домой, лег спать и во сне отошел ко Господу. Тихо, незаметно, без мучений...

На отпевание собралось много-много народу, духовенства и мирян: отец Александр имел множество духовных чад. (К сожалению, меня не было в городе, я была очень далеко и не могла приехать, поэтому говорю со слов мужа.) Люди не плакали, они как-то очень по-христиански отнеслись к этой смерти... Говорят, отпевание и похороны получились очень торжественными.

У меня есть только одна его фотография. Здесь он в красном пасхальном облачении.

Вот такой он был.

Мария Мельникова

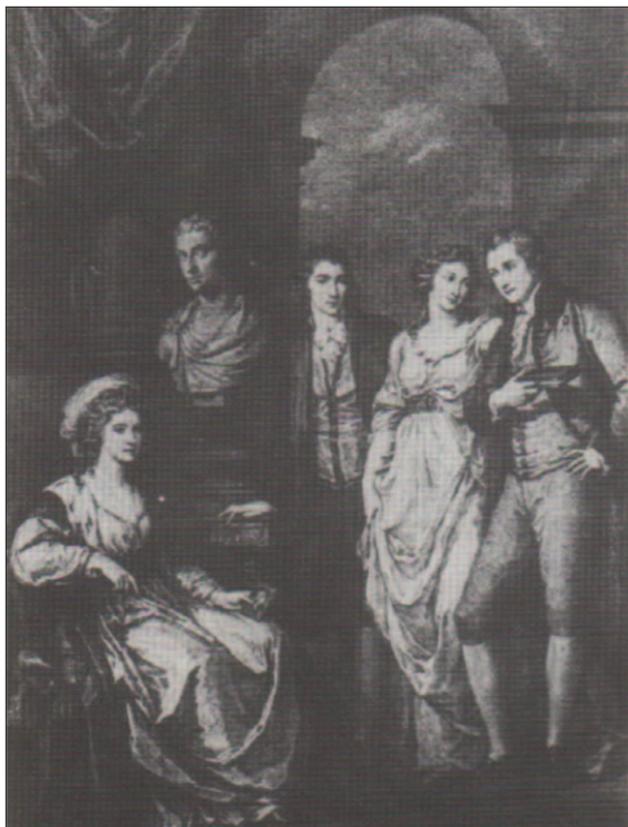

Ховрино

XVIII век

В 1700 году Петр I подарил своему сподвижнику, генерал-фельдмаршалу Федору Алексеевичу Головину село Ховрино, ранее принадлежавшее его предкам и родственникам, но оставшееся без наследников и «отписанное на государя». Об этом выдающемся человеке, первом кавалере ордена Святого Андрея Первозванного, рассказано в «Лампаде» №5 (50) за 2006 год.

История Ховрина связана с родом Головиных на протяжении всего XVIII века. От Федора Алексеевича († 1706) имя перешло к его сыну и далее к потомкам по женской линии. Наследниками Николая Федоровича Головина (посла в Швеции и Дании, умершего в 1745 году) стали законная его супруга Софья Никитична и дочь Наталья, вышедшая замуж за принца Петра-Августа Голштин-Бекского, родственника императрицы Елизаветы Петровны (родная сестра которой Анна Петровна состояла в браке с голштинским герцогом Карлом Фридрихом). После княгини Натальи Николаевны с середины 1760-х годов владелицей вотчины более 40 лет была её дочь Екатерина Петровна, в замужестве княгиня Барятинская.

Ангелика Кауфман.
Портрет княгини Екатерины Петровны Барятинской с сыном Иваном Ивановичем, дочерью Анной Ивановной и зятем графом Н.А.Толстым. 1791 год.

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, фонд 1354, опись 256/1 (879), дело X-4 «с») сохранился «Геометрический специальный план» Ховрина, датированный 1761 годом, – редкий образец первого («Елизаветинского») межевания. Это мероприятие, начатое в 1754 году в условиях полного отсутствия в России карт поместий, имело целью учёт земель и лишение прав владения угодьями, не соответствующими документам, и потому часто встречало сопротивление вотчинников. Можно предположить, что в Ховрине успеху дела способствовало именно родство хозяев имения с императрицей Елизаветой. Само изготовление плана дач (земельных владений) обычно занимало несколько лет.

Спустя почти 4 года после кончины Елизаветы Петровны († 25 декабря 1761 года) манифест Екатерины II возвестил о генеральном межевании, в ходе которого устанавливались и юридически оформлялись границы поместий, губерний, наместничеств, уездов, создавались карты и межевые книги на каждое владение. Началось межевание с центральной Московской губернии (причем правительство обещалось не проверять прав землевладельцев) и было завершено там к концу 1768 года.

Публикуемый план Ховрина «дан из Московской губернской межевой канцелярии» в 1769 году. На печати надпись: «Попечением и милостию Императрицы Екатерины II». Под печатью по всей ширине листа текст:

«Геометрической специальной план Московского уезда шестой на десятой округи состоящей под Литерою О первой азбуки прикосновенной даче селу Ховрину с принадлежащими к нему пустошми и в нем всеми землями, санными покосы, лесными и протчими угодья, которые во владении состоят Ее сиятельства княгини Натальи Николаевны Фон Гольштейнбек, межевана в бывшее пред сим генеральное межевание бывшим в 1761-м году межевщиком капитаном Иваном Матруниным да в должности геодезической порутчиком (что ныне капитан и землемер) Яковом Лавровым; а внутри того владения, обмежеванного одною окружною межею по межеванию объявленных бывшего межевщика капитана Ивана Матрунина и в должности геодезической порутчика (что ныне капитан и землемер) Якова Лаврова, состоит пашенной земли 237 десятин 645 квадратных сажен, запущенной из пашни общей 140 десятин 195 квадратных сажен, санных покосов 32 десятины 1108 квадратных сажен, под поселением, огородами, гумениками [далее неразборчиво] 16 десятин 1200 квадратных сажен, под церковью с кладбищем 1677 квадратных сажен, под дорогами 6 десятин 900 квадратных сажен, под прудами и речками 9 десятин 704 квадратных сажен, под болотами и протчими неудобными местами 6 десятин 900 квадратных сажен, а всего во всей окружной меже 450 десятин 129 квадратных сажен, во стоящем же селении по последней второй ревизии мужеска полу с переведенными 109 душ. Дан из Московской губернской межевой канцелярии [пробел] дня 1769-го году».

Межевая инструкция 1753 года предписывала считать десятину в 2400 квадратных сажен (1,09 га). Как видим, имение Ховрино было относительно невелико (в этом сказывалась близость его к Москве). С юго-запада владение огибает речка Норишка, а речка Лахоборка пересекает его. На последней устроено два пруда: первый в форме сапога, второй длинный. Между ними церковь (каменный Знаменский храм, построенный в 1748 году С.Н.Головиной); усадьба расположена близ пруда-сапога. Еще два пруда отведены севернее. Церковная земля на плане не выделена: она находилась в пользовании владелицы, а священнику с причтом выплачивалось годовое жалованье – руга.

Левее плана текст «Описание смежных», содержащий перечень соседних земель Дегунина, Михалкова, Головина, Никольского, Аксиньина, Бусинова и их владельцев. Границы отмечены латинскими буквами.

Таким унаследовала Ховрино Екатерина Петровна Барятинская. Кроме деловых документов, сохранился её портрет кисти немецкой художницы Ангелики Кауфман и отзыв некоего современника, попавший в «Петербургские очерки» П.В.Долгорукова: «Эта Екатерина Петровна была женщиною весьма гордою и необыкновенно чванною; она беспрестанно давала чувствовать мужу своему, что оказала ему величайшую честь, сочетавшись с ним браком; терпеть не могла, чтобы ее именовали княгинею и титуловали сиятельством, а требовала, чтобы ее именовали принцессою и титуловали светлостью. Сына своего, князя Ивана, воспитала она в таком понятии, что он поставлен рождением на какую-то совершенно особенную степень величия...»

Она стала последней владелицей села Ховрина из рода Ховриных-Головиных, продав вотчину своих предков в 1811 году князю П.Н.Оболенскому.

Ирина Корнилова

Благодарим
М.Г.Карпову и Е.С.Карпука
за помощь в подготовке публикации.

ПУТИ ГОСПОДНИ

История моего молитвослова

Когда мама впервые собралась вести меня в церковь, в детском представлении возникли высокие стены, длинные скамейки католических храмов, которые показывали в разных фильмах, большие иконы, священники в нарядных одеяниях, праздничность и обилие книг... Каково же было мое удивление, когда вместо пышного благоустройства больших соборов предстали скромность и домашний уют бедной церквушки, одной из нескольких действовавших в то время в городе. Украинские рушники на небольших иконах, свечной прилавок и никаких скамеек посреди храма.

Книжечек тоже оказалось не так много. И, к детскому разочарованию, мама купила домой не огромный богослужебный том, а маленькую темную книжечку. Несколько молитв в ней, как выяснилось, не хватало, не было и канонов, поэтому всё переписывалось вручную, передавалось от семьи к семье. Только через три-четыре года у нас появился новенький объемистый молитвослов московского издания. Сколько было радости! Ведь в содержании нашлись не только каноны, но и службы – утренняя и вечерняя.

Старенький молитвослов достался бабушке. Каждое утро, просыпаясь при свете солнечных лучей, я слушала, как она старательно читает утреннее правило и переписанные мамой молитвы. Особенно полюбилась сердцу Екатерины Антоновны, пережившей революцию и Вторую мировую, потерявшей двух мужей и сына, молитва Оптинских старцев. Её бабушка читала с особым старанием, а иногда даже повторяла последние строчки: «...и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить».

Чтение молитв стало чем-то особенным. Я чувствовала ту неопределимую радость, которую испытывает человек, когда только приходит в Церковь и встречается с Богом. И если взрослый в чём-то может сомневаться, то ребенок с доверием принимает всё к сердцу. Каждое утро в долгожданный час я открывала молитвослов, чтобы читать свое правило. Батюшка мне его немного сократил, но в глубине души я так мечтала когда-нибудь погрузиться в красоту этих замечательных строк, ничего не опуская.

Это же сокровенное таинство: живешь ты себе в мире, суетишься, с друзьями скрашиваешь досуг, а здесь, соприкоснувшись с белыми страницами, познаешь теплые минуты общения с Богом. И не трогает тебя ничего: ни смех над детскими шутками, ни шум улиц, ни время, которое мчится вперед, – тут оно застывает и не ощущается. Есть только сознание того, что там, далеко в Небе, над всеми ангельскими силами царит Кто-то сильный и добрый, Тот, Кто подаст руку и утешит, когда тебе будет грустно. Милосердный, любящий, настоящий Небесный Отец.

Особенный трепет и ощущение чуда, которым, казалось, наполнено

всё на пути к Господу, вызывал у меня дар святых, так выразительно Его хвалящих и просящих. Пусть не всё тогда было понятно несмышленной голове, но представлялось, что так по-особенному беседовать с Ним могут только действительно чистые люди. Сколько таланта и чувства, думалось мне, нужно иметь, чтобы так чуждо сложить слова и верно выразить мысли. И сегодня можно читать их молитвы, когда-то тайно обращенные к Создателю. Каким же бесценным благом мы обладаем!

И сейчас, открывая изрядно потрепанную книжицу с пожелтевшими страницами, я каждый раз вновь переживаю трепет самых прекрасных моментов общения с Богом.

К тому времени одна из сестер пригласила меня на клирос, ей хотелось, чтобы я в литургии понимала больше, чем «аминь» после каждой ектеньи. Уже тогда появилось сильное желание петь в хоре. Но нотам без музыкального образования и при отсутствии умения слушать, конечно, не пускали. Их снизу я и не видела, поскольку тогда всем певчим была еще по пояс. Тут-то и помог молитвослов в бордовой обложке.

До сих пор в нём исписаны карандашом страницы: аккуратно вводились на них слова, наблюдения за каждым движением батюшки. Стереть пометки рука не поднимается, как будто забудешь без них, когда диакон кадит в храме или выходит из алтаря на ектенью.

Особенно нравилось заучивать мелодии к знакомым словам. Когда поёшь, молитва преобразается. Ведь это попытка сделать её еще прекраснее, угодить Господу, порадовать Его. Это чувство умиротворения и гармонии не сравнить ни с какой земной радостью. Как же

иногда хочется вернуть полноту того детского восприятия, когда без капли сомнения я осознавала, что жизнь – самый драгоценный подарок.

Однажды приход своим посещением почтил и порадовал епископ, однако радость смешалась с грустной новостью: батюшку, а значит, и нас переводят в другой храм, потому что на месте любимой церквушки собираются строить главный собор города. Главный собор! С одной стороны, чего печалиться, а с другой, – ну кому хочется покидать уже

одной мелодии. Сколько же было приложено тогда старания к этой первой спетой литургии! Как же страшно было ошибиться или сфальшивить.

А через год погиб духовный отец... Это событие очень горестно отпечаталось в памяти моей семьи. Человек, который воцерковил меня, маму и стал настоящим отцом, горячо любящим и заботливым, таким, какого я не видела с самого рождения до прихода в храм в восьмилетнем возрасте. Бабушка, плача, сожалела о потере, а мама со свечкой и молитвословом в руках читала канон. По её щекам катились слёзы. Помню тот скорбный вечер в новом соборе, построенном на месте церквушки, где он был настоятелем. С аналоя, опустив глаза, читает проповедь епископ, служат панихиду по новопреставленному протоиерею Владимиру, сумрак наполнен печалью. Матушка подходит ко кресту и падает на колени, не молвив ни слова.

После смерти батюшки паства его разбрелась по разным храмам, кто-то остался. Так получилось, что я перешла в собор, поближе к тому месту, которое с детства ассоциировалось с самыми теплыми минутами.

Летом отпустила меня мама в паломничество в славную Почаевскую Лавру. Эту обитель очень любил при жизни наш батюшка. Величавые храмы, пронзающая небо колокольня, бесконечное голубое небо с кучевыми облаками – такой мне она запомнилась. Просыпаешься рано утром, идешь на литургию. Церковь к шести часам утра еще не так полна, высокие своды молчат, прислушиваясь к Таинству. На Исповедь выходит старенький монах с длинной бородой, мудрый в своем многолетнем опыте.

Торжественное совершалось Причастие: потихоньку продвигаясь в людском потоке к Чаше, и я приобщилась благодати Божией в Его пристанище на земле. Когда священник зашел в алтарь, я открыла молитвы по Святому Причащению, и первые слова так и рвались из груди к высокому куполу с розово-голубой росписью ангелов на небе, окружающих Создателя. Как же хотелось громко, во всеуслышание промолвить: «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!» Настолько ясно тогда ощущалась спасительность соборной молитвы, что не было ни минуты сомнения: нет без Церкви настоящей жизни. Нет её и без молитвы и Причастия.

И сейчас, открывая изрядно потрепанную книжицу с пожелтевшими страницами, я каждый раз вновь переживаю трепет самых прекрасных моментов общения с Богом. Конечно, откуда-то появилась рассеянность и даже иногда небрежность к читаемым молитвам. Но никогда не исчезнет чувство безмерной благодарности Господу за то, что Он подарил нам эту возможность просить, хвалить и прославлять Его.

Екатерина Семенюк
Фото автора.

ПУТИ ГОСПОДНИ

Сквозь бетон

Не помню, чтобы я в детстве задавалась вопросом, есть ли Бог. В семье не держали икон, никогда не говорили о вере или верующих. В городе, где мы жили, храмов не было. Вообще.

В наш молодой промышленный город посреди якутской тайги добирались в те времена только самолетом. Он стоял на месторождении алмазов, и когда АН-24 заходил на посадку, перед глазами пассажира в иллюминаторе разверзалась бездна, похожая на гигантский застывший водоворот. Это была «трубка», где добывали алмазоносную породу, огромная воронка, уходившая вглубь земли. При ближайшем рассмотрении оказывалось, что по её стенам вьется дорога, а по дороге с немолчным гулом и ревом день и ночь ползут БелАЗы, грузовики, каждое колесо которых было выше меня раза в два...

Дела человеческие поражали воображение. Задумываться о каких-то сверхъестественных силах, которые могут творить чудеса, казалось странным. От слов *Бог, церковь, христиане* веяло ветхостью, как от старых, пожелтевших книг.

Я не перестаю удивляться тому, какие способы находил Господь, чтобы воззвать к моей душе. Каждый из таких моментов сейчас кажется мне драгоценным – ведь я могла просто не узнать его в череде повседневных событий, но что-то внутри всё-таки узнавало.

Лет в шесть или семь меня хотели крестить. Эта идея пришла в голову тетке, сестре отца, когда мы гостили у неё в деревне под Киевом. Мать возмутилась и не позволила. Я узнала об этом разговоре. Меня распирало любопытство: крестить – это как? И зачем? И почему нельзя? Если нельзя – значит, это плохо? А если это плохо, почему это предлагает тетя, с которой у нас прекрасные отношения? Понимая, что от взрослых вряд ли добьешься внятного ответа, я обратилась к ровесникам. Все соседские дети оказались крещены с младенчества и уже не помнили, как это случилось. Только Валя, которая недавно присутствовала при крещении маленькой племянницы, ответила, пожав плечами:

– Да ничего особенного. Поп водой побрызгал да на лбу и руках каким-то маслом кресты нарисовал...

Всего-то? Я была разочарована. Мое воображение уже нарисовало мрачный, пугающий обряд, а тут водой побрызгал!

В тот год мы гостили у тетки на Пасху. Помню целый таз разноцветных яиц и стол, сплошь уставленный куличами. Рано утром детвора собралась на околице с большими пакетами. Пошли по дворам, по домам. Для меня, выросшей в городе, это стало настоящим приключением. Соседская девочка Люба, младше меня, но бойчее и крепче, входила первой, кланялась хозяевам и степенно произносила:

– Христос воскрес! Христос воскрес!

– Воистину воскрес! – отвечали ей и одарили нас крашеными яйцами, куличами, конфетами. Потому что праздник, Пасха...

– А что это значит? Что значит «Христос воскрес»?

Люба только пожала плечами.

Игра была непонятной, но интересной. Я заскочила в очередной дом впереди всех, открыла рот, но в последний миг смутилась, покраснела и пролепетала едва слышно:

– Христос воскрес...

Незнакомая пожилая женщина улыбнулась:

– Что же ты так тихо? Про такую радость нужно громко говорить!

Что за радость? Для кого? Я смутилась почти до слёз и не спросила...

На севере я часто болела и много времени проводила дома. Родители работали, от одиночества меня спасали книги. К двенадцати годам я перечитала почти всю городскую детскую библиотеку и загрузила. Тогда мама привела меня к подруге, муж которой являлся довольно примечательной для нашего рабочего городка личностью. По образованию он, кажется, был инженером-электротехником, но уже в зрелом возрасте

Дорога к храму.

Фото: Елена Жукова

закончил искусствоведческий факультет какого-то столичного вуза, писал работы по средневековой культуре.

У дяди Коли (так его звали) имелась огромная, редкая для наших краев домашняя библиотека. На стеллажах, скрывавших стены кабинета, теснились сотни, а может, и тысячи томов... На одной из полок почти вровень с моим лицом стояла икона Богородицы. Икона, наверное, старинная, а может быть, и нет: как я уже сказала, в детстве всё связанное с Церковью казалось мне непременно старинным и дряхлым. Я спросила: «А зачем Вам икона?»

Вопрос прозвучал почти осуждающе: к тому времени мне уже объяснили, что все верующие, мягко говоря, неправы. Дядя Коля сказал, что как раз недавно писал работу о древнерусском искусстве, а в древности у нас все картины были иконами. Тогда этот ответ меня удовлетворил. Но, когда я стала старше, а дяди Коли уже не было в живых, я часто думала: «Но почему ты не убрал образ потом, закончив статью? Почему он стоял на полке прямо напротив твоего стола так, чтобы, поднимая глаза от очередного исписанного листа, ты встречался взглядом с Богородицей, держащей на руках Младенца? Зачем тебе нужен был Её взгляд, в котором нет веселья, только внимательная скорбь как напоминание о чём-то тяжелом, но важном?»

У меня нет твердых оснований думать, что дядя Коля был верующим человеком. Но вопрос *зачем* протачивал путь к сердцевине моей души, как талая вода пробивает тоннели в сугробах.

После первого курса всех студентов-гуманитариев посылали в фольклорную экспедицию. Мы отправились в предгорья Алтая, в Горную Шорию. Два больших села лежали недалеко друг от друга на живописнейших холмах. Дорога между ними казалась нарисованной, да и весь окружающий пейзаж как будто сошел с холста художника, который взялся экспериментировать с цветом: синяя вершина вдаль, лиловые облака, ярко-желтые звезды зверобоя, зелень самых разных оттенков под ногами, пронзительно-синяя река с деревянным паромом...

Старушки охотно вспоминали то, что пели в юности. Правда, настоящего фольклора встречалось мало, всё больше песни Гражданской и Отечественной войн, переделанная на народный манер эстрада, жестокие романсы, явно завезенные когда-то из города. Но встречались и

казацкие песни, и вепские сказки... В довоенное время, в разгул репрессий и массовых переселений, здесь оказались самые разные народы: русские, алтайцы, украинцы, вепсы, немцы, татары. Жили поначалу на разных улицах, но, понятное дело, и кровь, и домá со временем перемешались.

В одном доме нашу группу из пяти человек встретила еще молодая и довольно красивая женщина в черном. Разговаривала приветливо, но на вопрос, знает ли она частушки или сказки, сдержанно покачала головой:

– Что вы, какие песни! Никогда я не пела и не плясала, даже в юности. Вот вся моя жизнь, здесь...

Она показала на большие иконы на стене и горящую перед ними на полке лампаду. Я помню, что в доме было очень чисто, просто и строго, ни единого намека на роскошь. Но совсем не мрачно, и не похоже, чтобы хозяйка жалела о том, что никогда не пела и не плясала. Выйдя за калитку, мы недоуменно переглянулись, и кто-то высказал предположение:

– Сектантка, что ли?

А может, монахиня в миру, ведь монастырей тогда в округе просто не существовало. Но её образ жизни порождал всё те же вопросы: зачем, почему и как?

Вспомню еще выставку молодых художников в Новосибирске, на которую мы пошли с подругой уже после выпуска из университета. Только начиналась перестройка, из этого года размеренная и вялая, вдруг забурилась, забила ключом...

Среди всевозможных геометрических фигур, фотоколлажей, ломаных линий и беспорядочных цветных пятен нам попало одно, на первый взгляд, вполне традиционное полотно. Цветущие луга и плодоносящие сады, аккуратные поля и серебристая речка, красивые девушки с кувшинами и пастухи, обнимающие коровьи шеи, веселые собаки с хвостами-колечками и доверчивые лани. Посередине картину разрезала почти идеально прямая полоса пыльной дороги, а в конце её, у самого горизонта, виднелась фигура в белом, сияющем хитоне. Имени художника я не запомнила, картина же называлась «Христос уходит в пустыню».

– Зачем Он уходит, не понимаю! – пожалала плечами подруга, оглядывая прекрасный, подчеркнуто избыточный земной мир. – Ведь вокруг так красиво!

И я вдруг почувствовала, что это ведь действительно очень важно, крайне важно понять, *зачем же* Он уходит!

Но прошло еще много лет, прежде чем для меня стало по-настоящему необходимо получить ответ на этот и подобные ему вопросы, прежде чем я вошла в храм и перестала чувствовать себя там чужой.

Когда-то в детстве я увидела заброшенную дорогу в тайге. Мой отец работал шофером и время от времени брал меня в рейсы. Иногда мы останавливались в пути и собирали грибы или ягоды... В одной из таких вылазок мы и наткнулись на старую бетонку. Не знаю, куда она вела, но её вид меня поразил.

Бетон растрескался, и изо всех трещин к свету пробивалась трава. Кое-где её напор был таким мощным, что буквально взорвал серую, безликую твердь, и сквозь разрывы вверх тянулись тонкие, на первый взгляд, хрупкие и незащитные побеги берез и сосен. Вся дорога, насколько хватало глаз, была в этих беззвучных взрывах и трещинах.

Я думаю, в каждой душе посеяны семена вопросов, благодаря которым мы, даже лишённые горного света, всё еще остаемся людьми: зачем, почему, куда, как... Однажды мы чувствуем, что или найдем ответы на них, или просто не сможем больше жить. И когда это случается, нас уже ничто не остановит. Даже ложь «системы». Даже угроза смерти. Даже бетон.

Лариса Подистова

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЧКА

Детективная история

Отец Стефан регулярно пребывал в детективном раздумье. При чем раздумье это приходило к нему периодически один раз в год и всегда в начале лета. Батюшка не обладал необходимой в данном случае дедукцией, хотя томик с похождениями Шерлока Холмса не просто пылился во втором ряду утрюбанного книжного шкафа. Любил о.Стефан иногда о знаменитом сыщике почитать, да и мисс Марпл с господином Мегрэ регулярно удостоивались его внимания.

Английская и французская методика к данному раздумью никак не подходила, ибо восточно-украинская лесостепь мало имеет схожести с туманным Альбионом и Елисейскими Полями. Здесь было всё просто, откровенно и видимо, но вот ответа в данном случае на вопросы, почему и отчего, отец Стефан не находил.

Дело в том, что на вверенном ему приходе подвизались две неразлучные прихожанки: баба Маня, Мария по-правильному, и баба Глаша, Гликерией крещенная. Всё у них дружно выходило: и молитва, и Исповедь (всегда друг за другом исповедовались), и за храмом они на пару любили ухаживать, лампадки помыть, подсвечники почистить или цветник приходской облагородить. На службе они тоже вдвоем рядышком у иконы Серафима Саровского молились. «Где Маша, там и Глаша», – говорили на приходе, но вот только в июньские дни, то есть аккуратно между Троицей и Пасхой, между двумя подружками пробегала черная кошка, в которую они верить ну никак не должны, ибо вопросам суеверий настоятель посвящал почти все свои проповеди.

Они и не верили ни в кошку, ни в ведра пустые, ни в подсыпанную под порог «заговоренную» кладбищенскую землю и в прочие происки лукавого. Такое неверие козням «врага рода человеческого» подкрепляли у Марии и Гликерии входные кресты на косяках дверных, мелом нарисованные, да постоянно горящая лампадка на божнице. Существенную роль в крепости православного бастиона от сил нечистых играли и ветки святой вербы, примощенные за иконами, и набор бутылей и бутылочек со святой водой, как-то: Богоявленской, Крещенской, Сретенской и Преображенской. Было еще и маслице от мощей святых, и земелька с Гроба Господня, а также камушки с гор почаевских, афонских и иерусалимских. К этому необходимому набору, естественно, присовокуплялась толстая книжка «Щит православного христианина» с молитвами каноническими и не очень понятно откуда взявшимися, а также черные толстые, от руки написанные общи тетради с распевками «псалмов», оставшиеся со времен советского бесцерковья.

Видя данный православный арсенал и потенциал, отец Стефан в очередной раз впал в недоумение, когда после второй пасхальной недели Мария и Гликерия опять, как и в прошлом и позапрошлом годах, разошлись по разным сторонам

храма. Мария осталась у кивота с преподобным Серафимом, а Гликерия переместилась за угол к великомученику Пантелеймену. Так стояли и молились, чтобы и друг дружку не видеть...

– Что за оказия? – размышлял настоятель. – Может, у них какой другой духовник имеется, что каждый год заставляет между собой во дни пения Цветной Троицы не общаться? Хотя вряд ли: сказали бы на Исповеди.

Кольнула мысль эта батюшку. Нет, не из-за ревности – из-за беспокойства.

Дело в том, что два искушения недалеко от его прихода обитали. Первое – в соседнем селе. Жил там священник бывший, за грех, повсеместно среди нашего народа распространённый, под запрет попавший. Рассказывали настоятелю, что принимает бывший батюшка людей и советы раздает. Второе же искушение так практически рядом, за селом на каменном бугре расположилось. Объявился там «монах восьми посвящений», вырубивший в скале дом-пещеру и соорудивший рядышком костел римский, часовню православную, пагоду и синагогу и по очереди в них богам многочисленным поклонявшийся. «Монах» этот приезжую городскую и областную богему окормлял, всё об аскетике и воздержании рассуждал, любясь попутно с рассуждениями двумя своими женами и детишками, от сурового аскетического «подвига» появившимися.

– Неужто туда ходят? – гнал от себя беспокойную мысль настоятель. Гнать-то гнал, а не гналось. Решил на Исповеди спросить, благо подружки-старушки всегда вместе каждый праздник причащались, а тут Вознесение через несколько дней.

Решил и спросил. На всенощной накануне праздника, когда первой баба Глаша под епитрахиль батюшкину подошла.

– Что это у вас, Гликерия, с Марией за раздоры, что и не смотрите друг на дружку?

И заплакала бабушка:

– Да всё она, тютинка.

– Кто? – не понял отец Стефан.

– Да шелковица, батюшка-а-а, – совсем разрыдалась баба Глаша и ушла, сморкаясь в платочек и заливаясь слезами, от аналоя исповедального. Даже молитвы разрешительной не дождалась.

В недоуменной растерянности пребывая, невидящими глазами смотрел отец Стефан на направляющуюся к нему от иконы старца Серафима бабу Машу. Когда же та подошла, крест с Евангелием поцеловала и начала излагать сокрушения и признания в осуждении, небрежной молитве, скоромной еде в день рождения внука и прочие повседневные прегрешения, батюшка неожиданно для себя спросил:

– А что там с шелковицей-то случилось?

Мария запнулась на полуслове и, теребя сморщенными, заскорузлыми пальцами край выходного, только в церковь одеваемого платка, тихо выдавила из себя:

Рисунок Евгении Перепёлки.

– Горе с ней, батюшка, – и заплакала...

Ситуация сложилась – врагу не пожелаешь, хотя их у батюшки отродясь не водилось, врагов этих.

Гликерия с Марией сморкались и хлопали каждая в своем углу, а отец Стефан столпом стоял у аналоя.

Теперь он вообще ничего не понимал. Он даже не знал, с какого края надо начинать мыслить. В центре недоумения была шелковица, тютинка по-местному, а вокруг неё две плачущие старушки и один ничего не понимающий поп.

Вечером, благо вечера уже светлые были, летние, отец Стефан решил разрешить недоумение кардинальным способом. Обычно его вечерняя прогулка была от церковного двора через кладбище к сельскому пруду. Как раз хватало времени неторопливо вечернее правило вычитать, концерт лягушачий послушать и о вечном подумать. Сегодня маршрут был противоположный – в другой край села, где рядышком расположились два небольших флигеля со спускающимися к речушке огородами. Именно здесь и жили столь знакомые, любимые и теперь уже таинственно непонятные Гликерия с Марией.

Батюшка пошел по балочке понад узенькой речкой, где как раз заканчивались огороды старушек. По краям огородов, засеянных картошкой, тыквами и подсолнухом, в качестве разделительной изгороди росла кукуруза, а между ними шла тропинка к усадьбам.

– Пойду-ка я в гости схожу, – решил священник. – Надо же когда-то ребус этот разрешить.

И пошел.

Не доходя до огурцов с помидорами, кабачками и прочей петрушкой, что всегда поближе к дому сажают, дорожку перегородила громадная старая шелковица, усыпанная черными кисточками ягод. При этом ствол шелковицы располагался на одном огороде, а большая

часть веток тянулась к речке и соответственно нависала над другим огородом...

Что-то мелькнуло в мыслях отца Стефана, догадка почти осенила его, но до логического завершения он дойти не смог, так как все мысли перекрыл стереофонический детский рев, доносившийся и с одной, и с другой стороны.

Трое ревели у Гликерии и четверо у Марии. По возрасту практически одинаковая затвердка доказывала бабе Маше, что «те первые начали», а бабе Глаше вообще не различимая друг от друга тройня вопила, «что те первые полезли».

Откуда прорезался у отца Стефана громогласный голос, трудно сказать, но после его растяжного, с вибрацией и иерихонской силой «Во-о-о-нем» замолчали все и уставились недоуменно на неизвестно откуда взявшегося священника.

Глядя на облупленные носы, поцарапанные животы и свезенные детские коленки, а также на засмущавшихся старушек, отец Стефан произнес поучение:

– Шелковица – дерево святое. Под таким деревом Сам Господь отдыхал и плоды его вкушал. Поэтому это дерево к Церкви относится, и тютину с него рвать только по благословению священника можно. Понятно?

– Да! – почти хором ответили ребятишки.

– Вот и слава Богу. Утром проснетесь, умоетесь, молитву прочтаете и ко мне за благословением. Кому рвать, кому собирать, а кому и попроститься, кто с вечера бабушку не слушал или друг на друга сердился. Тоже понятно?

Головки согласно закивали, а старушки...

Старушки улыбаться начали и на праздник Вознесения уже вместе у Серафима преподобного стояли, как испокон веку повелось.

Протоиерей
Александр Авдюгин

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Православному детскому дому для мальчиков «Павлин» при храме во имя святителя Митрофана Воронежского срочно требуются воспитатели, уборщица, сторож, рабочий по зданию, учитель труда и библиотечарь.

Тел. (495) 977-60-74 (в рабочее время), (499) 761-33-64.

Ул. Тимирязевская, 22. Ст. метро Тимирязевская.

Редакция газеты «Лампада» принимает объявления от частных лиц и организаций.
Справки по телефону: 453-91-01, 8-903-762-77-45
и по адресу электронной почты.

lampada@list.ru

ОТКАЗНИКИ

ВОЛОНТЕРЫ В ПОМОЩЬ ДЕТЯМ-СИРОТАМ БОЛЬНИЦ

Проект «Волонтеры детям-сиротам» – это объединение добровольцев, помогающих детям-сиротам, содержащимся в больницах Москвы и Подмосквья.

Наш сайт: <http://www.otkazniki.ru>

Главный офис:

м. Тимирязевская, автобус № 12 до остановки «Поликлиника»; м. ВДНХ, троллейбус №№ 13, 69; м. Рижская, автобус № 19.

8-й проезд Марьиной Рощи, 30

Тел. 619-02-03
Часы работы: с 9-00 до 19-30
Воскресенье с 10-00 до 18-00

www.sonex.ru

Фирма «СОНЭКС» основана в 1991 году. Уже 16 лет мы изготавливаем стальные двери различной комплектации, в том числе элитного класса, любого направления открывания, одно-, двухстворчатые, арочные, с дополнительными вставками, а также двери, оснащенные бронестеклами, зеркалами, коваными элементами, иллюминаторами, жалюзи, бронированные двери, в том числе – с защитой от автомата Калашникова, двери из нержавеющей стали. Все двери изготавливаются по индивидуальному заказу, по стандартным и нестандартным размерам.

Компания «Дом»

- Производство окон ПВХ (окна от производителя).
- Профиль RENAU (Германия) и более доступный отечественный аналог.
- Остекление балконов PROVEDAL.
- Изготовление и монтаж защитных рольставен.
- Поставка и монтаж гаражных ворот HÖRMANN (Германия).

Замёр и консультации бесплатно.
Центральный офис: м. Войковская.
Тел. 771-10-80, тел./факс 450-98-22.

Русская Православная Церковь

Храм иконы Божией Матери «ЗНАМЕНИЕ» в Ховрине

При храме в честь иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине действует иконописная мастерская.

Телефон: 453-91-01

- ✓ Реставрация.
- ✓ Оценка.
- ✓ Написание икон.

Компания «Ампир»

ПРОИЗВОДСТВО
МЕЖКОМНАТНЫХ
ДВЕРЕЙ
с 1999 года

Строительный проезд, дом 7а, корпус 28
тел. 492-67-22; 493-53-38
www.ampir-style.ru

ООО «РЕКАРЗ»
www.domsauna.ru ■ www.portsauna.ru
тел.: (495) 585-3534
тел./факс: (495) 619-2348
waterpol196@mail.ru ■ altvano@rol.ru
ИНФРАКРАСНЫЕ САУНЫ ДЛЯ ДОМА И ОФИСА – ЗДОРОВЬЕ, КРАСОТА, ДОЛГОЛЕТИЕ

ПЕДАГОГИКА

Как найти счастье?

Человеку всегда хочется чувствовать себя комфортно, быть в хорошем настроении, приносить окружающим радость, тепло, свою любовь. Для православного человека цель жизни ясна – это радость в служении Богу, людям, Родине, молитва и снова служение...

Почему-то получается это далеко не всегда. Почему так? Современный мир лихо закручивает нас по спирали житейских проблем. В современной семье чаще всего взрослые работают, а дети учатся, и это накладывает свой отпечаток: мы мало общаемся друг с другом. Можно ли поправить ситуацию и сохранить душевное равновесие? Попробуем сегодня поговорить об этом.

Семья для ребёнка любого возраста – это без преувеличения его опора, помощница в трудных ситуациях, и даже если подростки демонстрируют, что не нуждаются в вас, то это не совсем так, просто в данном случае

срабатывают особенности подросткового возраста, которых мы коснемся в следующих статьях.

Легко говорить, когда за плечами есть психолого-педагогическое образование и опыт работы с разными детьми, включая собственных двоих. А как быть, если родители постоянно заняты, пропадают в командировках, имеют ненормированный рабочий день... Что еще в оправдание чаще всего говорим мы себе, когда выбиваемся из сил?

Прежде всего вдохните полной грудью, помолитесь, попросите у Господа и Матери Его, Пресвятой Богородицы, мудрости и крепости духа. И разрешите себе побыть немного «уставшим». Не нужно демонстрировать ребёнку, что вы всегда веселы, что у вас всегда радостное настроение: дети прекрасные психологи и почувствуют фальшь мгновенно. Не бойтесь честно говорить детям о том, что вы сейчас

чувствуете на самом деле, делая это «я-сообщениями»: «Я сейчас очень устал (устала). Я хочу побыть 5 минут в тишине, а потом мы обсудим с тобой твой и мой день» и т.п.

Вы должны понимать, что для детей важно не просто количество времени, которое вы проводите рядом с ними, а то, чем вы наполните это время.

За приготовлением ужина можно поинтересоваться, что произошло за день с вашим ребёнком, рассказать, чем был наполнен этот день для вас. Вообще-то, чем чаще вы будете проявлять искреннюю заинтересованность жизнью ребёнка, тем более откровенными с вами станут дети.

Старайтесь чаще проводить вместе выходные дни, бывать на природе. Позвоните вместе с ребёнком бабушке или дедушке, навестите их или одинокого пожилого человека, который живет рядом с вами и нуждается в помощи. Только показывая

собственное искреннее неравнодушие, вы научите детей доброте.

Очень помогает семейное чтение с последующим обсуждением прочитанного. Причем старайтесь большую часть текста читать сами и останавливаться на самом интересном месте, таким образом вы не только сможете с пользой провести время рядом со своим ребёнком, но и пробудить у него интерес к чтению.

Старайтесь почаще обнимать своего ребёнка, говорить ему о своих чувствах, о том, как вы счастливы оттого, что он рядом с вами.

И самое, наверное, главное – ходите вместе в храм. Та общая молитва, которая объединяет всех предстоящих перед оком Господним, поможет и вам услышать друг друга.

А в следующий раз мы продолжим разговор на тему общения в семье.

*Педагог-психолог
Елена Долотказина*

ЛАМПАДКА

Дмитрий Беличенко

Подарок старика

Жили-были папа и мама. И был у них сын, маленький мальчик. Родители и радовались, и огорчались, потому что сынок рос очень добрым. Его любили все, даже животные и растения. И он отвечал им взаимностью. Цветы в его присутствии раскрывались, даже самые злобные собаки прекращали лаять и тянулись к нему, подбостростно виляя хвостом. Однажды он утихомирив пьяную драку, просто встав между разъяренными мужчинами и спокойно с ними заговорив.

А огорчались родители потому, что при всей своей доброте был мальчик совершенно бестолковым. Любое дело валялось у него из рук. Даже возьми он мыть посуду, наверняка перебил бы половину тарелок. Он не разбирался в людях, не умел хитрить, не знал цену деньгам и верил любым обещаниям. Он плохо умел считать и обладал даром постоянно попадать в нелепые и смешные ситуации.

Однажды старый, грязный нищий попросил у него еды. Мальчик кинулся в дом отца, где готовились к празднику, и, взяв всё, что мог унести с праздничного стола, отдал этому человеку. Нищий поблагодарил его и сказал: «Мне нечем отплатить тебе за угощение. Но у меня есть вещи, которые тебе обязательно пригодятся». И вложил своей грязной, морщинистой, трясущейся рукой в ладонку мальчика какие-то предметы.

Уже дома мальчик разжал руку и увидел ржавый гвоздь, маленький кусочек белого камня и пшеничное зёрнышко.

Любой другой выбросил бы эти предметы, но не мальчик.

Отец очень огорчился. Ведь мальчик был не простым ребёнком, а сыном правителя и единственным наследником. А разве может быть хорошим правитель, который не умеет считать, не разбирается в политике и не готов, если необходимо, закрыть сердце для любви и сочувствия.

Однажды на государство напал враг. И отец, одевшись для войны, ушёл вместе с армией. От него долго не приходило вестей, пока не прискакал гонец с известием, что армия разбита, правитель погиб и враг будет здесь через несколько часов.

Мама, узнав, что стала вдовой, свалилась в беспомощности. В столице начался паника. Мальчик, всеми забытый, плакал и вспоминал отца. Потом он вышел из города и встал, смотря на дорогу, где вскоре должны были показаться полчища врагов.

Ему хотелось защитить от них жителей, маму, но он не знал, как это сделать. Пошарил в карманах, достал ржавый гвоздь, который дал ему нищий. И вдруг гвоздь прямо в его руках внезапно стал таким горячим, что мальчик выронил его на землю.

Гвоздь упал, и через мгновение перед мальчиком стояли ряды закованных в ржавое железо солдат с суровыми лицами. Их командир отсалютовал огромным мечом и спросил мальчика, где неприятель. Мальчик кивнул на дорогу, на которой уже показалась первая колонна вражеского войска. Врагов было много, они тащили с собой осадные машины, чтобы штурмом взять столицу, но были буквально за считанные минуты обращены в бегство и перебиты молчаливыми, страшными пехотинцами в ржавых панцирях и глухих шлемах. Не останавливаясь, ряды этого странного воинства дошли до самой границы и встали кордоном, охраняя пределы государства.

Нашествие было отбито, но вскоре подошла другая беда: голод. Некому было сеять и убирать урожай: многие мужчины погибли во время вторжения. Голодные пришли к дворцу, звали сына правителя и жаловались, что умирают от голода.

Мальчик вышел за город. Он посмотрел на пустые, незасеянные поля, и горе сдавило его сердце. Он бережно достал из кармана пшеничное зёрнышко, которое когда-то дал ему нищий, и положил на чёрную землю. На следующее утро люди увидели моря созревшей пшеницы там, где раньше росли только бурьян и полынь. Все от мала до велика вышли, чтобы собрать невиданный урожай.

Молодой правитель защитил людей. Он накормил их. Но скоро новая, ещё более страшная беда постигла тех, кому больше не нужно было заботиться ни о своей жизни, ни о своём пропитании. Казалось, любовь утекает из этой страны, как влага из земли под жарким солнцем.

Рисунок Евгения Перепёлки.

Родители переставали заботиться о детях, а дети о родителях. Семьи разрушались. Торгующие обманывали покупателей, а покупатели обворовывали торгующих. Отец восставал на сына, а сын на отца. Никто не хотел уступать никому даже в малом. Все кичились друг перед другом и не стыдились лгать, обманывать и предавать. Молодой правитель пришёл в ужас. Ему казалось, что все эти добрые, сильные люди, которые окружали его с детства, украдены, заменены, словно какие-то злобные, хищные твари надели маски прежних его друзей и покровителей.

Он понял, что не может быть правителем, и решил потихоньку уйти. Переоделся, собрал вещи и выскользнул из дворца. Пробрался узкими улочками за ворота города и снова встал, глядя на дорогу. Она была пуста, если не считать маленькой, сгорбленной фигурки старого нищего. Подойдя к мальчику, он сказал с укоризной:

– Наверно, ты забыл о третьем моём подарке, сынок.

Мальчик разжал руку, и маленький белый камешек лёг на землю. Утром люди были разбужены басовитым колокольным звоном и с изумлением увидели высокий белый храм, который, казалось, достигает облаков своим огромным, сияющим златом куполом...

Благодарим Павла Павлюка (10 лет), нарисовавшего иллюстрацию к сказке «Дорога к морю», опубликованной в прошлом номере «Лампады», и Ульяну Хрусталёву (6 лет), рассказавшую нам о крестинах, на которых она недавно побывала.

Дорогие ребята, юные наши читатели! Вы тоже сможете стать соавторами нашей газеты! Присылайте нам свои рисунки и рассказы, мы с радостью их опубликуем.

ЛАМПАДКА

Как крестили Женю

У наших друзей Полины и Юры родилась сестрёнка Женечка. Родители решили крестить её в нашем храме. Мы их ждали и были очень рады встрече с ними.

Тётя Маша с Полиной и с Юрой приехали в храм. Наша мама была крёстной для Женечки.

Сначала батюшка что-то говорил, а все слушали и смотрели на него. Тётя Маша держала Женечку на руках.

Потом тётя Маша передала дочку батюшке. Батюшка три раза окунул Женю в воду со словами: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь!» Женечка поджала ручки и ножки, но не плакала. Потом батюшка передал Женю крёстной ма-

ме и сразу надел ей крестик. Мама вытерла Женю и одела в крестильную рубашку.

Потом все зажгли свечи и стали ходить за батюшкой по кругу, а Женю нёс на руках крёстный папа.

Потом батюшка показывал Женечке храм. Он поднес её к одной главной иконе с одной стороны Царских Врат, потом к другой иконе с другой стороны Царских Врат.

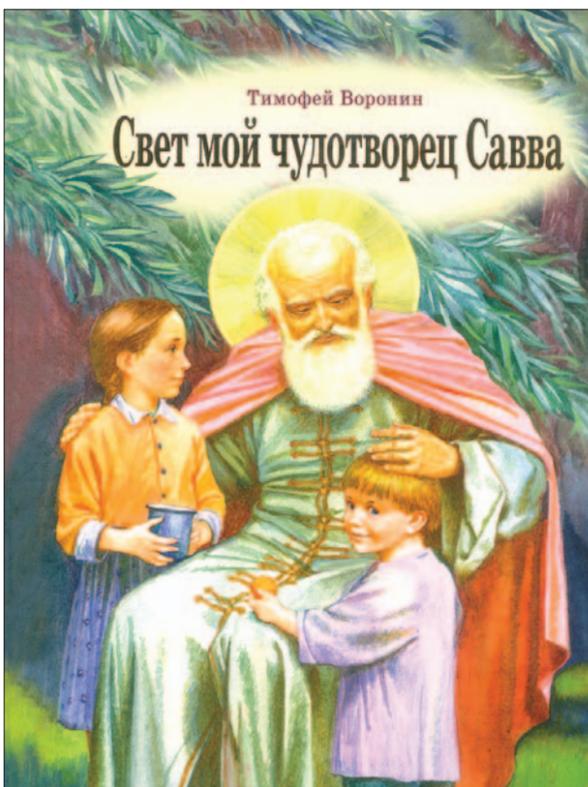
В самом конце Жене подарили иконку и маленькую книжечку.

Ульяна Хрусталёва

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Преподобный Савва как воспитатель

Тимофей Воронин
Свет мой чудотворец Савва
Москва: Издательский Совет
Русской Православной Церкви, 2007

Торжества, посвященные 600-летию со дня кончины преподобного Саввы Сторожевского, запомнятся Патриаршей службой, прошедшей под открытым небом звенигородской обители в дни памяти Преподобного, и презентацией его «биографии-жития», вышедшего в свет в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей». Однако в канун этих событий увидело свет еще одно издание, подготовленное специально к памятной дате.

Книга Тимофея Воронина «Свет мой преподобный Савва» – своего рода детский вариант ЖЗЛ.

В этой книге нет тисненых золотом эрзацев, шелковых закладок или фактурных стилизованных под старину страниц, покрытых «гладким», адаптированным переложением жития и исторических источников, чего вполне уместно было бы ожидать от заказного юбилейного издания. Есть другое.

Прежде всего понимание того, что всякий, кто начинает рассказ об истории святого,

вынужден прежде решить для себя один важный вопрос: как вообще возможно «рассказать» традицию, не превратив её в отстраненную картинку, в набор «ритуальных» оборотов, нравучений или в массив незапоминаемой «информации».

Автор может и не ставить этот вопрос сознательно, однако его книга так или иначе содержит ответ на него. Потому как всякий пишущий чувствует, что для традиции сегодня нет формы рассказа, нет языка. Традиции «православной литературы», особенно детской, не существует вовсе. «Досоветские» авторы не писали книг специально «для православных детей»; их письмо было органичной частью самого православного мира, не сводимого к какому-то отдельному, законченному представлению. Трудно не согласиться с меткой оценкой, высказанной не так давно о. Иоанном Охлобыстиным: «"Православная литература" значит примерно то же, что и "православная морковка". Литература, как и морковка, бывает либо плохой, либо хорошей».

Между тем детские книги, стоящие в церковных лавках, чаще всего написаны именно в этом, так сказать, «морковном» жанре. Это книги «для тех, кто уже и так...» Возможно, они безупречны с точки зрения «соответствия православной традиции», но с точки зрения литературы (сюжета и текста) ниже всякой критики. А ведь законов поэтики, выявленных еще Аристотелем, никто не отменял: текст должен держать, захватывать душу, вести её, страдать вместе с ней, очищаться и приходиться к освобождению. Смешно сказать, но в книгах советских атеистических авторов грамотно было то, чего не подменит собой никакая идеология. Поэтому и существует великая традиция советской детской литературы, хотя, конечно, наряду с «классикой» в ней было много всевозможной соцреалистической «ботвы».

А вот православный писатель часто считает возможным обходиться вовсе без сюжета или оставлять в небрежении характеры героев, или вовсе забывать о существовании читателя, который и так ему обеспечен в виде «целевой аудитории».

Можно взять практически любую книгу с «православной» детской полки и предложить почитать её детям вместо «Чука и Гека» или рассказов Н. Носова. Результат предсказуем: нужно быть большим артистом, чтобы удерживать внимание детей чтением православной книги, в то время как советские авторы читаются и слушаются всегда и везде при любой погоде

и настроении. И это несмотря на то, что в современном мире нет ни жестяных коробочек, ни телеграмм, ни геологов. Ни людей, ни лиц, ни песен, которые там. Для современного ребенка всё это – иной мир. И он захватывает.

Житие Преподобного – тоже иной мир. Автор книги «Свет мой...» вводит его как рассказ в рассказе: о жизни святого Саввы Варе и Ване рассказывает их отец. Причем ход повествования ненавязчиво «запараллелен» с историей самих детей, приехавших на лето в деревню недалеко от Звенигорода и Саввинской обители. С первой главы читатель знает: в какой-то точке жизнь Саввы пересечется с этими летними каникулами, с этой семьей, с этими детьми, с их домом. От первого намека на эту встречу большой и малой историй до разгадки тайны и движется сюжет. Жизнь и посмертные чудотворения Преподобного следуют шаг за шагом за прогулкой по лесу, играми, болезнями, летними дождями. И если маленькие герои книги еще только начинают догадываться, кто Хозяин того леса, куда они ходят вместе с бабушкой за грибами, что именно Он покоится в раке, к которой они подходят перед Причастием, и слышит все их вопросы и просьбы, то любой житель Звенигорода и его окрестностей и сейчас подтвердит вам, что на этой земле над всяким делом присутствует Саввина длань.

В книге есть и связь поколений, и «священная топография» Звенигородской земли, и соучастие великого святого в «школьном» сюжете «Как я провел каникулы». Нет, пожалуй, лишь творческой дерзости. Автор всё делает правильно, но всё вполсилы, следуя вечному моральному императиву «ничего слишком». Семья идеализирована, но не вполне; Москва-река превращена в «реку времени», но только «понарошку»; больной мальчик Ваня исцеляется, но как, автор лишь благочестиво намекает. В результате прекрасный эстетический материал, из которого могла бы получиться история в жанре «фэнтези», и книга-игра, где страницы связаны концептуально между собой, и просто «православный» бестселлер, остается просто одной из умеренно интересных книг для детей.

Эстетический императив не позволяет сегодня писать просто хорошие «проходные» книги. Для детей можно и нужно писать так, чтобы не прочитав было нельзя. Так, словно в последний раз. Тем более, что Эпоха Книги и в самом деле может закончиться.

Яна Бражникова

НАШИ ПРИХОЖАНЕ

София Георгиевна Галкина

София Георгиевна Галкина
Жизнь в искусстве
 Воспоминания участников студии
 изобразительного искусства
 Центрального дома
 детей железнодорожников
 Москва, 2006. (Тираж 400 экз.)

Передо мною книга. Большая, в прекрасном переплете. На шмуцтитуле надпись: «Посвящаю моей дочери». Ну что ж, придется говорить от первого лица, хоть это и не скромно...

Моя дорогая мамочка София Георгиевна Галкина – педагог, преподавала живопись и рисунок в изокружке в Центральном доме детей железнодорожников (ЦДДЖ). Книга «Жизнь в искусстве» составлена из воспоминаний учеников моей мамы, кружковцев, как они себя называют, и из воспоминаний самой мамы о них. В книгу также вошли рисунки ребят разных возрастов, авторские работы: гобелены и стекло С.Гавина и О.Победовой, учившихся в 60-е годы, и работы мамы. Это картины маслом, аппликации из ткани, рисунки и акварели, в том числе посвященные восстановлению храма в честь иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине, прихожанкой которого она была. Роскошное издание этой замечательной книги задумала и осуществила нынешний директор ЦДДЖ Евгения Семеновна Андриюшина. Она близко знала и любила мою маму, проработала с ней вместе немало лет.

Как-то так получается, что книга эта подводит итог 25-летней работы с детьми и в какой-то степени жизни. Мама же была педагогом, и её дети, как она их называла, их достижения и провалы были и её достижениями и провалами. Сказать, что мама любила свою работу и учеников, – значит ничего не сказать. Просто любовь эта была так естественна, как дыхание, и так бескорыстна, что все, кто соприкасался с этой любовью в детстве, воспринимали её как должное. Но и сами любили так же горячо и преданно свою учительницу. Много позже, в юности, ребята стали понимать, почему она им так дорога: в каждом она видела прежде всего образ Божий, личность и относилась к ним не только с любовью, но и с уважением. Но и строго! Очень строго. Она была требовательным и необыкновенно дисциплинированным человеком, того же добивалась и от учеников. Причем они не замечали этой строгости, а вот я – да! И всегда поражалась, как ребята слушают маму на занятиях! На презентации книги в июне этого года те, кто смог прийти, удивились моим словам о маминой строгости. Они запомнили только любовь...

Мы тогда много и достаточно сумбурно вспоминали о чудном старом времени, как бежали на занятия в любую погоду, как ездили в Питер все вместе, как собирали одежду для мальчика из бедной семьи, как готовили вечера, посвященные художникам. Всё это проходило перед моими глазами в детстве, и меня ничуть не удивляло, что сегодня у нас ночует, например, Дина и мама с папой стараются накормить её, поскольку она не может вернуться домой, так надо. И так всегда. Кто-то приезжал и, может, не один, и родители бросали всё и хлопотали об ужине, скудном, но таком вкусном! Пели вместе украинские песни... Или все вместе писали в саду. Надо сказать, что одной из отличительных черт характера моей мамы была увлеченность. Да и папа был таким же, работал он художником-

постановщиком кинофильма. Дело свое они очень любили, а живопись была для них просто дыханием. Если случался красивый закат, а жили мы в Измайлове, у Петропавловской церкви, то этюды, стоявшие наготове, оказывались в саду во мгновение ока, надо было успеть поймать настроение, а потом бежать на автобус и ехать в изостудию... Горячая преданность делу передавалась детям. Да и книга эта никогда бы не появилась на свет, если бы год за годом мама не вела дневники работы (когда она их писала, ума не приложу!) и не вносила туда всё достойное внимания. И потом, когда мама уже вышла на пенсию, писательский талант заставил её взяться за перо и поднять старые записи. И пережить всё заново. Конечно же, маме пришлось уговорить, расшевелить своих «детей» взяться за перо самим через много лет и написать воспоминания.

Больше всего она переживала о Люсе Петрокас. Чудо как талантлива была эта девочка, а вот не смогла мама ей помочь, как ни хотела. И талант, и любовь к рисованию остались нереализованными, жизнь так распорядилась, Люся умерла слишком рано...

Работу свою мама строила на год вперед, всё было расписано. В этой работе имелось несколько направлений, и все они отражены в книге. Главное из них – любовь к своему делу, уважение к таланту других, бережное отношение к искусству. Этим было пронизано каждое занятие. И в книге бывшие кружковцы очень много пишут именно об этом. Одним из важнейших качеств человека для мамы была любовь к Родине, к её народу, труду других людей, к русскому искусству. Исподволь, как бы совсем незаметно и ненавязчиво она прививала им эту любовь. Дети рисовали в метро, когда оно строилось, рисовали в Доме-музее В.Васнецова, рисовали в Кремле, готовили доклады о художниках для больших тематических вечеров, иллюстрировали русских писателей, таких, как Антон Павлович Чехов, причем очень успешно. Иллюстрировали они и современных авторов, мама устраивала встречи с ними (например, с Сергеем Баруздиным, автором детской книги «Новые дворники»).

С.Г.Галкина с учениками в студии Центрального дома детей железнодорожников. 1960-е годы.

Она старалась, чтобы ребята полностью вписались в жизнь, сохраняя свое лицо, занимаясь любимым делом.

Одно из самых интересных и важных направлений работы – вечера встреч. Они стали проводиться достаточно рано, с конца 50-х годов. И бывшие, и настоящие кружковцы встречались в Белом зале роскошного особняка на Новой Басманной и делились друг с другом всем, что произошло с ними за год. Много волновались и малыши, и их учительницы. Кто-то не пришел, кто-то рассказал грустную новость о себе, кто-то стал художником и работает в Большом театре (А.Окунь) или только поступает в техникум... Обычно вечера эти проводились в мае. Я хорошо помню ощущение счастья, которое они оставляли в душе: длинными майскими вечерами мы возвращались домой с охапками тюльпанов, говорили о ребятах и радовались за них. И смеялись, вспоминая, как Дина засунула нос в букет, и нос потом стал совершенно желтый...

Всё это было так давно, и все мы уже поседел, и мамы с папой уже нет с нами. Но их любовь ко всем нам, их детям, запечатленная в книгах, письмах, рисунках, согревает душу и помогает жить дальше...

Екатерина Хохлова

София Галкина. Суздаль. Аппликация из ткани.

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Настоятель протоиерей
 Георгий Полозов

Главный редактор В.Н.Ефанова
Директор по производству А.А.Кайнов
Верстка М.А.Каганова
Корректор И.А.Корнилаева
Концепция «Эпиграф дизайн»

Адрес редакции:

125414, г. Москва,
 ул. Фестивальная, 77а.
 Телефон: (495) 453-91-01
 www.znamenie-hovrino.ru

Регистрационный № А-0275
 Подписано в печать 15.10.2007
 Отпечатано в типографии
 ООО «Богородский полиграф комбинат»
 Тел. (495) 783-93-66
 Заказ №1. Тираж 1000

Приход храма иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине. Город Москва.

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
 Сбербанк России г. Москва
 ИНН 7712050269
 р/с 40703810938080100250
 БИК 044525225
 к/с 30101810400000000225
 КПП 774301001

Редакция будет рада перепечаткам из нашей газеты со ссылкой на неё. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов. Просим не использовать газету «Лампада» в бытовых целях и не выбрасывать, а вернуть её в храм или отдать тем, для кого она может быть душеполезной! Газета издается на добровольные пожертвования. Цена свободная.